

2102
110
**НОВОСТИ
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

A 62

ПЬЕР АМП

ИСКАТЕЛИ ЗОЛОТА

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО**

17/91

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

A 62

ПЬЕР АМП

PIERRE HAMP

ИСКАТЕЛИ ЗОЛОТА

ПЕРЕВОД ВЕНЕДИКТА ЛИВШИЦА

126/7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — МСМХХIV — ЛЕНИНГРАД

1

2-й изд.

И дам ти сокровища
темные, сокровенные.

Пр. Исая, XLV, 3.

Настоящее издание отпечатано
в Типографии Первой Ленин-
градской Трудовой Артели Пе-
чатников (Моховая, 40) в коли-
честве 5.150 экз. — Ленинград.
Гиз. № 4950. Ленинградский
гублит № 752.

900097 ✓✓

ИСКАТЕЛИ ЗОЛОТА

LES CHERCHEURS D'OR

1920

Государственная
ист

ПАМЯТИ
ЕВРЕЕВ
ЛЕОНА и МОРИСА БОНЕФ,
ЖИВШИХ
ДЛЯ РАБОЧИХ
И УМЕРШИХ
ЗА ФРАНЦИЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выходец из народа, самоучка, прошедший тяжелую жизненную школу, обладатель обширных технических знаний, почерпнутых из личного опыта, Пьер Ам (Pierre Hamr) в литературе, как и в жизни, идет своей особой дорогой.

Обычные приемы литературного мастерства, привлекающие читателя: изысканность стиля, умение строить и развивать сюжет, глубина и точность психологических наблюдений — не играют в произведениях Ампа никакой существенной роли. В его книгах, вообще, нет фабулы в обычном значении этого слова, его романы часто растянуты и плохо „построены“, его язык с трудом понятен даже французам, — до такой степени он своеобразен, переполнен провинциализмами и техническими терминами. Читать Ампа нелегко, но он и не ищет любителей легкого чтения. Литература для него — дело серьезное.

„Забавляться игрой писательства — старческое занятие. Наш долг или говорить о вещах серьезных, или молчать“, — так определяет он сам задачу писателя.

Что же он считает „важным“, о чем можно и должно писать?

„Простор, столь же великий, как те, коими когда-либо шло человечество, более великий, чем Война, столь же

великий, как Любовь и Красота, расстилается ныне перед художником,—это Труд". И далее: „С тех пор, как человек вынужден в поте лица есть свой хлеб, трудовое усилие мысли, питающее все, что существует на свете, от Поцелуя до Войны, не нашло еще своего отзвука в человеческой поэзии“.

Амп ставит себе задачу—восполнить этот пробел. Все его главные романы: „Тягота человеческая“ („La peine des Hommes“), „Непобедимый труд“ („Le travail invincible“), „Франция—рабочая страна“ („La France, pays ouvrier“), „Рельсы“ („Le Rail“)—изображают процесс труда, главным образом коллективного, и связанные с трудом социально-экономические проблемы.

В этом Амп напоминает Золя, но разница между ними столь же велика, как и сходство: Золя изображает трудящегося человека, Амп—изучает самую сущность труда. Человек для Ампа не более, как один из факторов трудового или экономического процесса, изображаемого в романе. Золя—романист,—какова бы ни была его тема, он старается втиснуть ее в рамки художественного повествования. У Ампа—способ изложения зависит всецело от материала; он не стесняет себя никакими запретами, когда нужно—он пишет как опытный художник, когда надо—как газетный репортер. Некоторые его книги похожи скорее на технический справочник, чем на художественное произведение („Рельсы“). И тем не менее Ампа читают, и тем не менее он один из крупных современных французских писателей.

Переводить Ампа—задача трудная. Мы делаем первую попытку познакомить с ним русского читателя, выбрав для этого одно из его последних, наиболее доступных для перевода произведений.

А. Т.

I

Господин Виктор Кутанс—Импорт-Экспорт, 27, ул. Лафайетта, Париж. Телефон: Норд 49.63—приехал в Вену восточным экспрессом в половине первого пополудни, с опозданием на два часа, вызванным снежными заносами перед арльбергским тоннелем.

Умывшись и закусив в отеле Захер, он отправился на Кертнерринг, 12, к господину Эрнсту Попишилю, занимавшемуся так же, как и он, Кутанс, покупкой по дешевой цене и сбытом по дорогой всяких товаров: обуви, благородных металлов, бумаги, сахару, маслу, топленого свиного сала, предметов искусства...

Господин Виктор Кутанс, наследник орнской семьи нотариусов, разбогатевший на сутяжничестве и разведении домашнего скота, был всем своим воспитанием приучен к стяжанию. Мать заставляла его каждый вечер, перед молитвой, подводить счет своим деньгам.

Она говорила:

„Проси у бога, чтобы рядом с тобой оказался богатенький“, — великолепная наука, способствующая в деревне стать зажиточным человеком, перелезая через забор богача; ею же руководился г. Кутанс, выбирая товарищей. Рост богатства возбуждал в нем все увеличивающуюся жажду приобретения. Став международным коммерсантом, г. Кутанс доказал, что с умом нормандца можно свободно одержать верх над самыми ловкими плутами любой национальности.

Херр доктор Эрнст Попишиль также обладал прекрасными коммерческими и юридическими способностями, но навыки его значительно отличались от навыков старой французской буржуазии. Любитель путешествовать, он часто говорил:

„Все можно купить на свете, — умеи только назначить цену!“

Он любил перебрасывать товар с места на место, увеличивая таким образом его стоимость, он сбывал венцам слоновую кость, а жителям Судана — пианино. Война научила его вздувать цены, не прибегая к подобным переброскам.

На его письменном столе, заваленном как ларек старьевщика, г. Кутанс нашел образцы бумаги папирсной, писчей и ватер-клозетной, образцы ножовых изделий, удобрений и тканей. Зная венский способ вести деловые переговоры, г. Кутанс начал не с того, чего хотел, он решил потерять некоторое количество времени в надежде, что ему удастся вызвать Эрнста Попишиля на откровенность. Сначала он сделал дружеское сообщение.

— Если помещать капитал в товары, — это дает тысячу процентов годовых. Ценность денег падает

с каждым днем. Стоимость товаров увеличивается. У меня есть запас товаров в Амстердаме, в Антверпене, в Базеле, в Париже и в Генуе. Я предоставляю промышленникам изворачиваться между себестоимостью и требованиями заработной платы. Я ничего не хочу знать, кроме двух цифр: покупной и продажной цены. Коммерсанту легче заработать, чем фабриканту. Я оставил себе только два завода, да и то ради чести слыть фабрикантом. В 1914 г. я понял, что в течение десяти лет деньги будут падать, а товары расти в цене. Задержанный на военной службе, я писал своему компаньону: „Покупай все, что найдешь. Жемчуг и свиней, морфий и заячьи шкуры. Покупай“.

Он указал на образцы:

— Много у вас этого товара?

Голос Эрнста Попишиля, сидящего за своей выставкой старьевщика, стал тонким и медленным:

— Нет, немного. В Вене изобилие дутых предприятий. Все эти Шиберы и Блюфферсы предлагают то, чего не имеют. Обилие таких фирм служит доказательством упадка торговли. Кончайте на месте дело, которое кажется вам серьезным, ибо два часа спустя цена возрастет. В Вене все нуждаются, все желают заработать. Товарный голод и множество торговцев. Разоренные австрийцы становятся посредниками. Мы ничего не производим, но зато у нас изобилие торговцев.

Тощий молодой человек в грязном воротничке, свидетельствующем о недостатке в городе мыла и крахмала, положил перед Эрнстом Попишилем резиновые каблуки, пояснив, что у него есть

патент на их производство и что таким путем можно заработать много денег.

— Займитесь сначала производством, — сказал г. Кутанс и, нарушая обычай венских фирм — принимать во всякое время лиц, являющихся с предложениями, и рассыльного, приносящего корреспонденцию, — отстранил продавца, а затем и служащего с кипой бумаг:

— Г. Попишиль, я только что проехал сорок часов в поезде, и вы первый, кого я посетил. Нельзя ли подождать со всем этим и попросить не входить в ваш кабинет до конца нашей беседы.

Г. Попишиль закрыл дверь, ибо он был человек покладастого нрава во всем, что не касалось цен и условий купли-продажи. Его называли турком, так как он долгое время торговал фесками и ведал очисткой соляных пошлин в Константинополе, но родился он 49 лет тому назад в Вене, на Магдалененштрассе — от бразильца и венгерки. В течение многих лет он вел торговлю на Балканах, в Египте, в Южной Америке и основал в 1909 г. эту свою знаменитую фирму: „Торговое товарищество Попишиль, Кертнерринг, 12“.

— Мы питаем друг к другу взаимное доверие, — сказал г. Кутанс, — и знаем, что можем работать сообща. Мой уполномоченный, г. Муаран, трижды был у вас со дня заключения перемирия. Мы ухитрились получить несколько прекрасных австрийских товарных складов. В настоящее время у меня имеется все, чего вам не хватает: сгущенное молоко, топленое свиное сало, масло. Я не продам вам ничего на кроны по курсу пять сантимов, ибо крона накануне окончательного обесценения. Это самая

спокойная валюта в мире. Она не может понизиться больше чем на два су. Я хочу товарообмена. Найдите соответствующий эквивалент. Но вам следует изменить ваши условия.

— Нет, — сказал г. Попишиль. — Я настаиваю на своих десяти процентах. Не думайте, что я прячу от вас товары потому, что вы находите, как вы уже писали об этом, мое комиссионное вознаграждение слишком высоким. Запасы товаров действительно истощились. Итальянцы и швейцарцы расхватывали много. Увидите: во всем, что еще можно сделать, вы не будете обойдены. Вы хитры, но мы в большой нищете. Нам нечего есть. У нас нет денег. Остаются предметы искусства, старина. Правительства Антанты заставляют нас хранить в качестве залога — сокровища королевских дворцов Гофбурга, Музеи. Но в частных руках можно найти на миллиард драгоценностей, картин и мебели. Американцы купили много прекрасных вещей. Правительство отказывается в разрешении на вывоз. В настоящее время в Вене, Праге и Будапеште только два живых дела — это старинные вещи и биржа. Нефтяные акции на протяжении четырех дней повышаются и понижаются на три тысячи. Если бы у меня, как у вас, была валюта, я купил бы бумаги и драгоценности. Взвесьте все это. Не хотите ли основать со мною товарищество: Банк и Искусство. Мы бы поделили между собою учредительские паи. Хек?

Г. Попишиль издал горловой звук, — это была его обычная манера вопрошать на любом из многочисленных языков, коими он владел в совершенстве.

Так как г. Кутанс покачивал своей большой головой с красивыми черными волосами, попеременно то кляя носом в знак согласия, то двигая ушами в знак несогласия, — г. Попишиль поостерегся точно определить: означает это да или нет?

Он продолжал говорить осторожно и дружелюбно:

— Я знаком в Вене с двумя знатными французами. Один командирован министерством иностранных дел, другой тоже в этом роде. Сюда лучше приезжать купцом, чем послом. Здесь всегда есть на чем заработать, на живом или мертвом. Павшая лошадь — деньги. Польза извлекается из шкуры, из мяса, из жира, если он только имеется, из копыт, из костей. Двадцать лет тому назад, в Далмации, я занимался некоторое время обдиркой скота. Я продавал сырую кожу. Мясо поедалось мухами. Скелет пропадал. Теперь я буду умнее. Мясом я буду откармливать свиней, из которых извлеку деликатесы. В Европе повсюду запрещено продавать в мясных лавках мясо от павшего скота. Им надо кормить свиней, — человек ест свинью, и таким путем падаль и нечистоты поступают к нему в рот.

— Можно придать, — сказал г. Кутанс, — конской или собачьей колбасе внешний вид настоящей свиной. Колбасные изделия из тощей падали чернеют, окисляясь при разрезе. Их начинают душистыми веществами, но гораздо труднее сохранить на воздухе их розовую окраску. Свиная колбаса удерживает свой красивый цвет благодаря тому, что еще при жизни животного жир вполне соединяется с мясом, молекула с молекулой, чего нельзя достигнуть прибавлением жира к тощей падали и растиранием.

Один инженер-парфюмер недавно применил к разрешению этой задачи весьма остроумную мысль. Он варит в закрытом сосуде, откуда выкачан воздух, тощее мясо, вследствие чего в последнем открываются все поры, куда затем поступает жидкое масло, заменяющее место выкачанного воздуха. Механическим путем он вызывает то соединение мяса и жира, какое происходит в живом организме.

Таким образом, он получает из какой угодно падали, и даже из костяной пыли, колбасу, дающую при разрезе выпот — признак хорошего качества. Разрез остается розовым. Как вам это нравится?

Миллион людей, среди которых есть много хорошо воспитанных, сегодня дрались бы в Вене за окорок ветчины с большей яростью, нежели за восстановление империи. Какое огромное состояние получил бы доставивший сюда эти продукты. Мы отдали бы императорский дворец за стадо свиней. Мы стоим на коленях и умираем с голоду; однако, нужно жить и для этого — наживать. Поискав как следует, мы нашли бы что еще продать. Если извлекают пользу из павшей лошади, можно извлечь пользу и из рухнувшей империи. Вена больше всех других городов наказана войной. Чех говорит: „Пусть она издохнет!“ То же самое говорят итальянец и серб. Тирольский крестьянин прячет яйца, кур, маис, подвешивая их гирляндами под выступ крыши. В деревне на кроны вы не получите ничего, но в обмен на вашу шубу вам дадут гуся.

Антанта не желает нашей смерти, ибо мы должны оплатить войну. С этой целью она поддерживает в нас дыхание и длит агонию, но не создает для

нас возможности возродиться. Она дает нам немного провианта, каждый раз — на неделю.

Можно взять табачную монополию. Это не ваша и не моя специальность, но когда дело выгодно, за него всегда стоит взяться. Не будем искать компаньонов: тут нечего терять.

Г. Кутанс ответил:

— Со мною здесь Симон Зальцбах. Мы ищем случая купить там, где курс стоит низко, и перепродать, где он высок.

— Кто такой Симон Зальцбах, — спросил г. Попишиль, — цюрихский лютеранин или кольмарский еврей? Мне говорили о нем. Он не давал маху во время войны. Французская армия износила немало тканей, проданных им, хотя он и не был ткачом. Я также поставлял текстильные изделия австрийскому интендантству, затем предложил свои запасы обмундирования итальянцам. Прекрасное дело — военные поставки.

— Зальцбах сейчас занят финансовыми делами. Он сегодня в Венском Коммерческом банке, в Венском Союзном банке, во Всеобщем банке по залогу имуществ, в Учетном банке.

Пообедайте с нами сегодня у Захера: вы его увидите. Захватите с собой нужных людей и адреса семейств, желающих продать свои драгоценности.

А что, в Вене все еще веселятся? Я хочу воспользоваться своим пребыванием здесь. За эти пять лет, что я не выезжал из Франции, я отупел от работы. Зарабатываешь деньги, — как каторжник дробит камни, — с утра до вечера; даже ночью думаешь об этом. Чтобы развлечься, надо вырваться из круга своих привычек. В парижском дне не

хватает четырех часов, чтобы закончить все свои дела. В течение ряда лет я не задавал себе вопроса: что же я буду делать сегодня?

Г. Виктор Кутанс, тепло одетый, в толстой шубе, счастливый тем, что мог расточать свое время, прошелся по Рингу. Ища улыбки красивых женщин, он наткнулся на гримасу ребенка с лицом синеватым и грязным, того же цвета, что и ноги. Ребенок протягивал широко расставленные, худые руки, как будто готовясь получить тяжелый предмет, и вежливо умолял:

— Bitte... Bitte schön!..

Г. Кутанс дал ему две кроны и задумался над этим непривычным для себя поступком: подавать милостыню.

„В Париже, — сказал он себе, — нет этих отвратительных случаев“.

Его задел локтем туго затянутый в узкое платье господин, похожий на германского офицера: череп отполированный стеклянной бумагой 000, костистое бритое лицо, монокль и дымящаяся сигара.

По обеим сторонам подъезда большой гостиницы караулили на костылях два оборванца-солдата. Рядом с их убогой военной славой швейцар в ливрее с медными пуговицами блистал роскошью. Их тощее искалеченное тело в расползающихся отрепях привыкло сносить муки голода и холода. Лакеи гостиницы прогоняли нищих детей, но из уважения к австрийской армии терпели раненых солдат, протягивавших руку иностранцам.

Граф Эрберн, венгерец, живший одно время в Париже, прошел мимо изуродованных солдат, отдавших ему честь своими обрубками, и обратился к г. Кутансу:

— ... Эрнст Попишль—очаровательный человек, но какая сволочь! Звонил мне по телефону, предлагая встретиться с вами вечером у Захера. Я счастлив, что приятный случай свел нас раньше. Зачем вы сюда приехали? Заработать деньги? Здесь все идет за бесценок. Платье: шесть тысяч крон—триста франков—сшитое венскими закройщиками—лучшими в мире. Хотите адрес моего?—Крафт, I Шварценбергштрассе, 12... Комната в гостинице: сто двадцать крон—шесть франков. Прелестные женщины, которых вы в ней принимаете, довольствуются тысячью крон—пятнадцатью франками,—стоимость недельной стирки в Париже, где белье кладется вам на постель, а маленькая прачка помещается рядом... Я вспоминаю об одной очень приличной девочке, которая, не желая называть меня свиньей, говорила, что я приношу ей счастье. Устраивайте свои любовные дела здесь. Это обходится недорого. Французы обожают любовь и путешествия, когда их не нужно оплачивать.

На глазах у солдат, вооруженных костылями, граф, безукоризненный, начиная с блеска ботинок, кончая фасом коротко подстриженных усов, сел в карету, украшенную герцогским гербом. Г. Кутанс, судя по упряжи, решил, что Эрберн—родственник императора, но, увидав на той же стоянке и другие, украшенные гербами, экипажи, сообразил, что венская аристократия продала свои выезды

лицам, отдающим их в наем. Кормить животных стоило слишком дорого. На улицах много нищих, но мало собак. Город, обветшавший до выбоин на мостовой, являл собой все признаки глубокой нищеты.

Г. Кутанс прошел мимо Гофбурга—императорского дворца. Никаких часовых у подъезда. На Балхаузплаце просил милостыню еще один солдат с длинным красным носом. Из-за этого носа, ущемленного холодом, на впалом от худобы лице слезился одинокий черный глаз; другой был скрыт бинтом, завязанным веревочками. Нижняя челюсть поддерживалась повязкою из грязных тряпок, соединявшейся на трепанированном черепе с другою, выступавшею из-под грубого колпака.

У человека были здоровые руки, но ногами, хотя на вид и не поврежденными, он не владел и передвигался на тележке на тонких осях, вращая их при помощи рукоятки. Отрепья, покрывавшие его грудь, были украшены четырьмя медалями на выцветших и истрепанных лентах, как те, что раздавались во время походов против Наполеона I. Нищета старила эти знаки славы. Человек спал не расставаясь со своими орденами, днем же их поливал дождь и покрывал снег. Тощие костлявые ноги резко вычерчивались сквозь ткань заплатанных штанов; обмотанные ступни казались двумя тяжелыми узлами тряпья. Устав передвигать тележку, оси которой уже давно требовали смазки, он остановился перед большою дверью на Балхаузплаце, под № 19, выписанным золотом, и 2—красною краской. Г. Кутанс прочел надпись на двери:

Отсюда, из этого министерства иностранных дел, отправлен был в Сербию составленный кроатом Мосулином ультиматум, первая искра мирового пожара.

Нищий калека-солдат приводил в движение свою скрипучую тележку под надписью, вызывающей призрака императрицы в горностаевой мантии:

MARIA—THERESIA.

II

В восемь часов вечера, в охотничьем зале отеля Захер Г. Эрнст Попишиль, улыбаясь, представил гг. Виктору Кутансу и Симону Зальцбаху, чело-веку с черной бородой и квадратными плечами, 42 лет, весом 90 килограмм,—чешского кожевника Пшебыля, грубо одетого, и венца Гейдриха, ничем не уступавшего в смысле эlegantности графу Эрберну. Граф придавал беседе шуточный оборот:

— Диван, на котором мы так удобно расположились,—диван исторический: великие князья про-делали на нем немало свинств.

Г. Гейдрих, тонкий, в безукоризненном платье, не нарушая важности бритого лица, медленно произнес:

— Они были большими распутниками,

Потом извинился:

— В течение пяти лет мы не говорили по-фран-цузски. Мы уже не совсем тверды в нем. Следо-вало бы сказать: кутилами.

— Да,—подтвердил г. Зальцбах, для которого веселый разговор после дел был большим развле-чением.

— Мерси. Этот отель, самый шикарный в Вене, был местом кутежей двора.

— Борделем,—сказал г. Зальцбах.

— Этого слова я не забыл. Но я полагал, что нельзя так выразиться. Однажды в этом зале обе-дал, в обществе дипломатов, английский посол. В соседнем кабинете находился один из великих князей с компанией, раздевшей его до нага. Го-лый, он нацепил на себя шпагу и орденские ленты и в таком виде вышел к послу. Посол дал ему пощечину. Когда на следующий день пожелали принести извинения, великий князь не помнил о пощечине. Он заявил: возможно, что он разделся, ибо это одна из его привычек, но никакого посла он не видел, видел только дам, и если одна из них дала ему пощечину, он сумеет отомстить за честь короны ударами сапога по задку оскорби-тельницы. Чтобы выполнить этот долг, он пригла-сил дам вторично пообедать.

Г. Пшебыль смеялся, слушая этот курс истории, и пил портвейн императора Франца Иосифа, про-давшего свой погреб венским отелям.

— Если бы можно было приобрести драгоцен-ности,—сказал г. Попишиль,—принадлежавшие казне, это было бы прибыльным делом. импера-тор Карл I и его жена-итальянка увезли с собой

в Швейцарию много камней. В Гофбурге осталось не больше, чем на сто миллионов франков. Пять процентов тому, кто устроит мне это дело.

— Шесте, — надбавил граф Эрберн. — Старый Франц Иосиф не сделал бы такой гадости. Казна — собственность не императора, а народа. Карл I взял алмазы императрицы Елизаветы, эгреты из изумрудов, брильянтов и рубинов, целые парюры, из коих один состоял из тысячи камней: франкфуртский алмаз весом $44\frac{5}{8}$ карата; знаменитое розовое кольцо; два браслета из 494 брильянтов весом $330\frac{1}{4}$ карата; кольцо из 380 брильянтов — 266 каратов; другое — из 86 жемчужин; знаменитый рубиновый гарнитур, из приданого Марии Антуанетты; флорентийский алмаз, четвертый в мире...

— Если бы произвести подсчет этой валюты, — сказал г. Эрнст Попишиль...

— Не стоит терять время, — ответил г. Зальцбах. — Нельзя ли здесь найти платину, золото, серебро? Надо перебрасывать ценности в наиболее портативном виде. Я покупаю все ценные металлы в слитках и монетах.

Г. Пшебыль, любитель коммерческих предприятий и хорошего вина, делал необходимые для себя заметки и напивался. Он наливался старым портвейном, который подарила Францу Иосифу Виктория, английская королева, императрица Индии.

— Если бы не умение Виктории разбираться в винах, — сказал граф Эрберн, — она была бы великим несчастьем для всего мира. Мы пользуемся ее погребом и расплачиваемся за ее политику. Она могла в 1870 г. предотвратить столкновение между Германией и Францией. Англичане заня-

лись континентом лишь 45 лет спустя. От Виктории зависело дать Европе в удел нечто иное, чем идею реванша. Эта императрица ослабила разум англичан.

Мы подвержены мировому недугу ирландской революции, которую королева Виктория легко могла бы умиротворить, если бы, питая расположение к шотландцам, она вместе с тем не презирала Ирландии. Этим она способствовала разбеднению Соединенного Королевства. Но у нее была здоровая глотка, и пила она изрядно. Каждый вечер у ее изголовья ставился night cap: ночной чепец — большой стакан Scottish whisky.

Чтобы доставить удовольствие французам, г. Эрнст Попишиль стал осуждать королевские фамилии.

— Если английская была глупа, другие были подлы. Война не нанесла ни единой царапины никому из шести сыновей германского императора. Ни единой капли крови Гогенцоллернов не было пролито в то время, как во всей Германии нельзя найти без траура ни одной семьи, где были молодые люди — кадровые офицеры. Кронпринц и его отец первыми убежали в Голландию.

Австрийский император уехал в Швейцарию, захватив с собою казну. Ведному венцу, сражавшемуся на Пьяве, запрещают вывозить ценности и продавать за границу его фамильные сокровища. Подсчитайте-ка эту валюту в швейцарских франках.

Г. Пшебыль соглашался и почесывал левое плечо: он страдал чесоткой. Со времени войны, проведенной в Италии, у него осталась эта упорная болезнь и вечная боязнь голода и жажды.

Граф Эрберн слушал не слишком благосклонно эти непочтительные разговоры о немецких династиях, но не возражал ни слова, так как намеревался кое-что продать французам. Сидя на четырехметровом диване между г. Зальцбахом, который походил на усталого путешественника, собирающегося заснуть, и г. Кутансом, улыбающимся и весьма оживленным, граф Эрберн обратился к ним:

— Не будем говорить о сокровищах короны. Мы попробуем пожить на даче в Швейцарии, когда император Карл почувствует нужду в деньгах. А пока можно найти в Вене немало прекрасных случаев приобрести драгоценности и старинные вещи. Я дам вам возможность осмотреть коллекции, принадлежащие аристократическим семьям и совершенно неизвестные Репарационной Комиссии. Она знает только движимое имущество Гофбурга.

Граф вынул из кармана своего серого, в лиловую полоску, жилета старинные венские часы и нажал кнопку звонка. Кожевник Пшебыль высказал свое мнение о нежности тембра:

— Красивый звон. Идут верно: половина девятого. Если вы хотите вечером развлекаться, нужно торопиться с обедом.

Мучимый зудом в правом плече, он держался прямо, несмотря на безумное желание разодрать себе кожу ногтями, которые он иногда грыз в бешенстве, тем самым лишая себя своих скребиц. Он быстро опускал руки, чтобы скрыть шелущащуюся кожу, обличающую его недуг. Он был ловушкой для самого себя. Его страдание проявля-

лось только в непрерывных подергиваниях, которые можно было принять за нервный тик. Лицо его было всегда печально, он воздерживался от широких жестов и потому казался очень скромным.

— Часы эти, — сказал граф Эрберн, — принадлежали Марии-Антуанетте. Это — чудо для любителя и прекрасный случай для коммерсанта. Десять тысяч крон. Вы их перепродаете в Париже за пять тысяч франков. Вас интересуют гобелены? А старинная венская серебряная посуда?

— Вы продавец, — спросил г. Зальцбах, — или посредник? Я готов уплатить вам за часы тысячу крон, не зная их действительной стоимости. Когда я знаком с делом, я — разбираю; в противном случае я решаю сразу. Я ничего не смыслю в исторических часах. Соглашайтесь с моей ценой, или откажитесь от сделки.

Граф Эрберн вложил часы в жилетный карман, застегнул черный пиджак и ответил с достоинством:

— Если я говорю, что вещь принадлежала Марии-Антуанетте, это равносильно утверждению из ее уст. Я не уступлю исторического предмета человеку, способному усомниться в его происхождении.

Г. Зальцбах извинился.

— Охотно верю, что вы являетесь представителем Марии-Антуанетты. Но ведь не она будет платить вам комиссионные? Предлагаю вам пять процентов со всех сделок на сумму до двухсот тысяч франков и три — со сделок, превышающих эту цифру. Укажите г. Кутансу все, что вы можете достать для нас в Вене.

Сделав этот прыжок и войзив когти куда, по его мнению, следовало, г. Зальцбах снова притворился засыпающим. Его черные глаза полуприкрылись мясистыми веками, но по их блеску было видно, что, несмотря на кажущееся оцепенение, он с удовольствием следил за графом Эрберном, который был поставлен в неловкое положение открыто сделанным ему коммерческим предложением. Граф имел обыкновение вести дела негласно.

— Я человек благородного происхождения, отнюдь не зарегистрированный посредник. Я пришлю вам список случайных вещей.

Г. Пшебыль провозгласил:

— Суп гуляш, Венская специальность. Кушайте, пока не простыл.

— Приправлен венгерской паприкой, — заметил граф Эрберн.

— Может быть, вы рассчитываете, — спросил г. Зальцбах, — восстановить свою торговлю продажей красного перца? Индия конкурирует с вами, продавая кэрри: желтый перец. Я могу с вами вести переговоры о пряностях, если мы не сойдемся на старинных вещах, но я требую, чтобы вы вели дела исключительно со мною: в отношении предметов искусства вы будете только моим агентом.

Он разговаривал с графом Эрберном так, как будто они были наедине.

Граф Эрберн вынужден был открыто заговорить чисто коммерческим языком:

— Что вы мне дадите за *Ausfuhr Bewilligung* — за разрешение на вывоз? Его трудно получить.

Надо быть в хороших отношениях с канцеляриями. Я должен смазать министерство финансов. Что я получу от вас?

Г. Пшебыль почесался, выпил вина и сказал:

— Вместо того, чтобы платить чиновникам за *Ausfuhr Bewilligung*, купите лучше товар, который легко спрятать. Радий, стоящий миллион двести пятьдесят тысяч франков грамм, при самом малом объеме представляет собою самый ценный предмет в мире. Для меня радий слишком дорог. Я ищу мезоторий.

Г. Зальцбах, обращаясь к графу Эрберну, наставительно закончил:

— *Ausfuhr Bewilligung* входит в счет вашего комиссионного вознаграждения. Я покупаю только франко швейцарская граница или с разрешением на вывоз, приложенным к товару. Я не изменяю обычаям своей фирмы. Г. Кутанс заключит с вами соглашение.

Г. Эрнст Понишил договаривался с г. Пшебылем:

— Сколько вы даете за мезоторий?

— Четыре тысячи крон за миллиграмм.

— За четыре тысячи крон нельзя иметь хороший мезоторий. Надо заплатить не менее четырех с половиной тысяч.

— Я заплачу четыре с половиной, если вы можете поставить мне достаточное количество.

— Я дам вам ответ, — и он шопотом спросил у г. Кутанса: — Где его можно найти? Мы возьмем пять процентов за наши труды и хлопоты.

Г. Зальцбах, оставив смятого им графа Эрберна, ухватился за г. Пшебыля:

— Вы не знаете, где имеются запасы радия?

— Его добывают в Иоахимстале, в Богемии, и на четырех заводах во Франции: Арма де-Лиль в Ноган на Марне; Анри Ротшильд в Сэн-Дени; Дарм в Жифе и на заводах Французского Общества энергии и радиохимии в Курбева.

— Верно, — подтвердил г. Зальцбах, удивленный осведомленностью этого человека, который, трудолюбиво восстанавливая утраченное состояние, собирал всяческие сведения, чтобы иметь возможность продать что угодно.

— Есть еще заводы в Португалии. Но из всех европейских континентальных предприятий в лучшем положении находится наш иоахимстальский завод, расположенный на богатом месторождении радия. Остальные заводы получают либо американскую, либо португальскую руду, в общем содержащую не более трех процентов урана, три тысячи килограмм которого идут на добычу одного грамма радия. Во всем мире можно добыть только десять граммов радия в течение года, но этот товар сохраняется вечно: за две с половиной тысячи лет он теряет лишь одну половину жизненной силы, в то время как дорогой жемчуг вянет и умирает, как красивая женщина.

— Вена, — продолжал г. Пшебыль, — была врачебной столицей. Все богатые больные Востока умирали в ее клиниках. Прага в этом отношении превзойдет ее. Я бы хотел основать чешское общество в подражание вашему французскому обществу Энергии и Радиохимии, которое придумало отдавать радий на прокат. Вместо того, чтобы путем окончательной продажи и за консолидиро-

ванную прибыль, раз навсегда расстаться с этим дорогим товаром, оно уступает радий лишь на время операций. Таким образом, оно способствует распространению радия и, оставаясь собственником своего запаса, получает прибыль от увеличения его ценности. Оно отдает напрокат также и мезоторий, который в течение первых восьми лет вдвое сильнее радия, но утрачивает свое действие после двадцати лет.

У меня представительство на Богемию — от Общества Энергии и Радиохимии, но я приобретаю мезоторий у всякого, кто может его продать, с тем, чтобы самостоятельно отдавать его в наем врачам.

Не интересуетесь ли вы нефтеносною землею? Буровых скважин еще нет, но наличие нефти несомненно. Можно купить участки: после извлечения первого литра они поднимутся в десять раз.

— Я верю в нефть, — сказал г. Зальцбах, — как граф Эрберн верит в бога. Старая формула — устраиваться всюду, где есть уголь, — уже не является руководящим принципом промышленности. Но я не стану бурить землю, чтобы извлекать из нее топливо. Во Франции больше нефтяных обществ, чем тонн мазута. Единственное топливо, которым мы располагаем, — акции, но они худо горят. Практический успех европейских предприятий зависит от транспорта. Я создам транспорт. Став крупным транспортером нефти и всех нефтепродуктов: бензина, смазочных масел, газелина, парафина, я буду сильнее биржи. Я основываю Европейское Общество нефтяных цистерн. Это лучше радия. Но есть кой-что и лучше этого.

Граф Эрберн назвал вторично предмет, которому он отдавал предпочтение:

— Старинные вещи и драгоценности.

Г. Гейдрих:

— Тирольские леса и водопады.

Г. Эрнст Поппшиль вообще не ограничивал себя:

— Покупайте все: крестьянский маис и посуду императрицы. Что вы скажете о заводских машинах? Франция, в которой столько разрушений, нуждается в них. Здесь, за отсутствием сырья, они ни к чему.

— Лучше всего, — сказал в заключение г. Зальцбах, — золотая руда.

Один г. Кутанс рассмеялся, так как их близкие отношения позволяли ему показать, что он считает Зальцбаха пьяным; остальные же присутствующие из вежливости сделали вид, что они не уверены в этом.

Г. Пшебыль сказал:

— В моем распоряжении прекрасная партия оконного стекла. Такого нет нигде. Предлагаю три вагона по 5.000 крон за сто килограммов франко букская таможня.

Затем он снова принялся восхвалять вино:

— Погреб Франца-Иосифа был одним из первых в Европе. Подобный портвейн можно найти только в антверпенском кабаке и в Бэкингэмском дворце. Английский двор еще не пустил его в продажу. Это может произойти по милости Ирландии или синдикалистов.

Все присутствующие тяжело дышали, наевшись консервированными печенками, гусем, тминным

салатом, рулетом из яблок и блинами, начиненными вареньем.

Г. Зальцбах тихо сказал:

— Их ободрали до самой кочерыжки, но она еще — сочная. В Париже нас так не кормят. От империи, в старых фирмах, остаются похвальные привычки.

Он стал насвистывать австрийский гимн.

— Ты пьян? — спросил его г. Кутанс.

— Нет. Нам сегодня предложили драгоценности, старинные вещи, радий, стекло, нефть. Займись в широких размерах, при помощи графа Эрберна, скупкой старины. Поручи ему принести все, что он раскопает в нищете старинных фамилий. Есть драгоценные вещи среди гнили этого трупа империи. У благородного графа на них прекрасный нюх. После Габсбургов — гиены. Работай в этом направлении. Себе же я оставляю свою золотую руду.

И он, как всегда после хорошего обеда, приступил к своим излюбленным веселым рассказам. Этот грубый спекулянт любил только арифметику и болтовню.

— Когда, — сказал он, — бог дал в удел протестанту честь, а католику — богатство, он пожалел еврея: „Бедняга, ты пришел слишком поздно: у паписта есть золото, у кальвиниста — благородство, для тебя остается только нужда“. — „Господи, — сказал еврей, — я на все согласен и буду доволен, — тебе ведь это ничего не стоит, — если только ты укажешь мне адреса первых двух счастливых“.

Граф Эрберн громко захохотал. Он заявил:

— Венгерское правительство — единственное

в Европе! Оно раздавило рабочих и не желает иметь дела с евреями.

— Это — две преследуемые расы, — ответил г. Зальцбах. — Мятежные рабочие пойдут в тюрьму, а евреям достанутся торговые сделки с казною и церковные подряды. В Будапеште уже нельзя возводить построек, ибо Трансильвания, лесистый край, принадлежит румынам. Венгерский дуб, известный в столярном деле, переменял свою национальность. Он находится в руках румын. Я могу предложить его венграм по 1.400 крон за кубический метр франко вагон.

Граф Эрберн, застигнутый врасплох, изобразил на своем лице улыбку:

— Лично я не антисемит. Я не говорю: евреев слишком много. Напротив, я говорю: их достаточно. Такие, как вы, редки.

— Я не редкость, — я еврей. Иногда это — религия, иногда — раса, а иногда, как у некоторых католиков, — только способ вести дела. У меня это — семейная привычка. Кутанс не еврей. Он человек вежливый. Мой дядя мне сказал, что никто из моих предков не был вероотступником, даже когда священники, распевая по-латыни, поджаривали им зад. Он умер во время обеда у г. Ротшильда, где пропала ложка накладного золота. Почтенным гостям было вежливо предложено выворотить наизнанку карманы. Один из гостей обронил монету в десять су. Все пожелали ее поднять. Дед скончался во время свалки.

Г. Пшебыль изрыгал свой хохот в пустую тарелку. Г. Гейдрих смеялся более сдержанно:

— От этой истории можно околеть со смеху.

Г. Зальцбах похвалил:

— Вы прекрасно владеете французским.

— Я учился французскому языку в Париже. Я записывал все новые для меня фразы.

Я много растерял из моих былых познаний во французском и хочу наверстать их. Мне не хотелось бы походить на того ирландца, который, отправившись в Италию, чтобы увидеть святейшего отца, знал по-итальянски только одно слово: папа. В Риме проводник, несший его вещи, предложил ему женщин. Ирландец ответил: папа. Проводник, полагая, что он не любит женщин, предложил ему мальчиков. Ирландец стал кричать еще громче: папа! папа!

„Вот так оказия! — воскликнул проводник. — Папу — это будет, пожалуй, трудновато. Но если бы вы согласились удовлетвориться кардиналом...“

Граф Эрберн, добрый католик, не рассчитывая ничего продать г. Гейдриху, строгим выражением лица осуждал эту непочтительность по отношению к папе. Г. Зальцбах утверждал, что ему известны все еврейские анекдоты, несомненно, самые смешные в свете. Г. Кутанс заявил, что католические не менее забавны.

Например, история марсельца, у которого украли лошадь и который в Нотр-Дам-де-ла-Гард молил Иисуса помочь ему в поисках:

„Господи, я явился пешком, но я верю в твое милосердие“.

В тот же вечер у него украли и коляску. Он вторично пришел в церковь и опустил на колени перед божьей матерью:

„Царица небесная, Stella Maria, я все еще хожу пешком, а вор уже запрягает лошадь. Если я его поймаю, я надаю ему пинков, а тебе поставлю две свечи“.

Взывая таким образом, он заметил в объятиях девы младенца Иисуса, не внявшего его молитве:

„Я не к тебе обращаюсь, потаскухино отродье, а к твоей святой матери!“

Граф Эрберн улыбнулся г. Кутансу, так как собирався предложить ему свой товар.

— Эта история лучше. Она не затрагивает высшего духовенства.

— Если вы найдете в Вене золотую руду, я здесь основываю новую религию,—сказал г. Эрнст Попишиль. — Это единственная отрасль промышленности, где сырье ничего не стоит. Проповедь имеет успех в нищих странах. Я бывал в Лондоне у одного англичанина, прекрасного знатока библии и виски, который принес в Гайд-Парк последний ящик из-под виски, встал на него и угрожал прохожим проклятьем господним. Он собрал 6 фунтов 8 пенсов. В следующее воскресенье он явился с аккордеоном. Вероятно, теперь он уже выстроил храм.

Г. Зальцбах спросил:

— Не передал ли он вам часть своих паев?

Г. Пшебыль, напичканный едою до верху, как трубка табаком приятеля, сказал г. Зальцбаху комплимент:

— Вы знаете все: и хорошие анекдоты, и как рубить лес. У вас во Франции рубка производится наподобие жатвы и затем делается новая посадка. В скандинавских странах дровосеки оста-

вляют нетронутыми обсеменяющие деревья, и лес восстанавливается сам собою. Могу предложить вам прекрасный лес. Завтра дам вам сведения об измерении и породах. Сегодня же вы должны увидеть венок. Женщины, принадлежавшие императору, находятся теперь так же, как и портвейн, в торговом обороте.

Граф Эрберн возмущился:

— Их нельзя найти на улице. Они принимают только тех, кто им представлен. Я к вашим услугам.

III

— Твоя золотая руда,—спросил на следующий день утром г. Виктор Кутанс г. Симона Зальцбаха,—находится в Тироле? Если у тебя в виду нет ничего определенного, выбери приятное местечко, где можно было бы провести лето. Будем привозить дам и есть форели.

— Пригласим нашего друга, знаменитого автора, утверждающего, что самые красивые пейзажи на свете—в Швейцарии и в Бют-Шомон. Он боится сквозняков и поэтому постоянно носит в ушах вату; он обожает путешествия: ежегодно отправляется в Виши.

— Мы получим точные разъяснения,—заметил г. Зальцбах,—по вопросу о золотой руде у господина коммерции советника Иоганна Фрейденберга.

Они нашли его на Аншугассе, 87, XIII округ, в бумагопрядильне, в которой раздавался только стук двух пишущих машин.

— Котлы у вас холодные?—спросил г. Зальцбах. Это был первый вопрос, заданный им г. Фрейденбергу, тощему человеку с большой головой. Его черные глаза светились живым блеском под белизною большого выпуклого лба. Г. Фрейденберг предложил разговаривать по-немецки, по-французски или по-английски—ему было все равно. И сказал на чистом французском языке:

— Недостаток угля мешает нам работать в Вене, где у нас нет другой силы, кроме доставляемой теплом. Миллионы рук в этом городе ничем не заняты. Пропадает огромное количество человеческого труда. Если бы мы овладели силою падения тирольских рек, мы продавали бы их энергию чехам, вместо того, чтобы умолять их поставлять нам уголь. Они ничего не желают давать. Нашему населению необходимо в месяц, по меньшей мере, семьсот тридцать тысяч тонн, чтобы варить пищу, не умереть от холода и стирать оставшееся еще у него белье. Если к этим хозяйственным потребностям присоединить потребности наших заводов,—все ежемесячное количество необходимого нам угля будет равно миллиону ста пятидесяти шести тысячам тонн. Мы ежегодно извлекаем из наших копей миллион двести тысяч. Угольный голод—явление мировое, но нигде он не достигает таких размеров, как здесь. Мы испытываем нужду во всем: в хлебе, в топливе, в тканях, в коже. Мы—царство нищеты. Между тем в водопадах Тироля заключено целое богатство.

Г. Виктор Кутанс готов был поверить, что золотая руда, которую искал г. Зальцбах, это и есть гидравлическая энергия.

Он возразил против этого большого проекта:

— В течение какого промежутка времени извлечете вы первую прибыль из такого предприятия?

— Этого нельзя точно определить, — ответил г. Фрейденберг.—Для больших заградительных и канализационных работ необходимо много цемента. Чтобы изготовить цемент, необходимо много угля.

Г. Зальцбах стал пророчествовать:

— Лет через 25 мы, быть может, увидим электрохимические и электро-металлургические заводы в Арльберге, свет и тепло, доставленные в Вену тирольскою водою. Это—*Zukunft Musik*—музыка будущего. Сегодня ваши рабочие сидят без работы. Что же они, остаются умирать с голоду? Эмигрируют?

— Много буржуазных семейств и австрийских офицеров уехало в Южную Америку. Правительство хорошо поступает, поощряя их в этом. Они могли оплатить проезд. Но весь народ на суда не усадишь.

Кроме того, ни одна нация не желает принимать австрийцев. Северная Америка, Франция, Англия отказываются от рабочих германского происхождения. Австрийские эмигранты не допускаются в пределы бывших составных частей империи: Венгрию, Богемию, Юго-Славию. Вы, французы, разве возьмете наших рабочих? Вы заинтересованы в том, чтобы дать им работу на месте за низкую заработную плату, а не привлечь их на свои фабрики путем высокого заработка.

Вы произвели здесь тайный набор для иностранного легиона. Благодаря спешным врачебным осмотрам, происходившим к тому же ночью, вы

навербовали сифилитиков и туберкулезных, от которых, по прибытии их во Францию, отказались офицеры пополняемых частей, называя прибывших „грязными бошами“. К счастью, такая же неудача постигла вас и с нашими рабочими. Если бы их уехало много, наша промышленность пострадала бы больше, чем от временного недостатка двигательной силы. Сафьянщики, портные, ткачи, древообделочники обладают здесь такими же превосходными традициями, как и ваши парижские ремесленники. Если они покинут Австрию, они попадут в копи или на фабрики. Синдикаты других стран возьмут их только в массовое, скверно оплачиваемое, производство, отнюдь не на тонкие работы. С этой рабочей силой Вены погибла бы часть европейской цивилизации.

— Ваши рабочие останутся у вас, — заявил г. Кутанс. — В каждом народе именно ремесленники больше всех ненавидят иностранцев и более всего восстановлены против интернационализма. Мы, хозяева, единственные настоящие интернационалисты в деле совместной наживы.

Г. Зальцбах прервал эти соображения общего характера:

— Могу ли я узнать у вас, сколько вы платите рабочим?

— Зачем скрывать то, что известно всем? То, чего не сказал бы вам я, вы узнали бы от другого. Я предпочитаю, чтобы вы были обязаны мне. На нашей ткацкой фабрике в Богемии ежедневно работают по 8 часов три смены, для полного использования гидравлической силы. Заработная плата колеблется в пределах от десяти до двена-

дцати чешских крон для работающих на двух станках и равна шестнадцати кронам для работающих на трех. Килограмм бумажной пряжи нам обходится в Австрии десять крон при поденной плате сорок крон. При работе в двадцать ниток на сантиметр мы платим две кроны двадцать пять за метр стометрового полотнища: это меньше швейцарского су. Мы покупаем бумагу на доллары, по курсу доллар—пятнадцать французских франков, но мы наверстываем на заработной плате. Мы можем побить Манчестер по всем статьям, ибо если англичане и приобретают сырье на более выгодных условиях, английские рабочие гораздо требовательнее наших. В прежней монархии ежегодное потребление одним человеком ткацких изделий равнялось четырем килограммам. Когда все станки на чехо-словацких и австрийских фабриках будут пущены в ход, мы будем продавать за границу шестьдесят пять процентов нашего производства.

Г. Зальцбах задал еще несколько вопросов:

— Если я буду нескромен, не отвечайте. Я осведомляюсь в наших взаимных интересах. Возможно, что мы будем работать вместе. Сколько времени еще продлится недостаток угля и хлеба? Прежде чем вы справитесь с голодом, не уменьшится ли, благодаря смертности и эмиграции, рабочее население Вены настолько, что уголь и мука придут слишком поздно, чтобы спасти рабочую силу?

— Я доволен, — сказал г. Фрейденберг, — что встретил человека, заботящегося о нас; человека, который поймет, что мой долг австрийца заставляет меня надеяться, пока рассудок не покажет

мне всей нелепости надежды. Дайте нам сырье, дайте нам кредит. Мы дадим вам прибыль.

Правда, наша рабочая сила, столь же драгоценная, как и водопады, уменьшается благодаря голоду и туберкулезу, но иностранный капитал может ее спасти и извлечь из нее хорошие проценты.

Наша политика плохо обслуживает наши интересы, ибо в момент, когда промышленность пребывает в такой нужде, народ управляется людьми, имеющими весьма мало опыта и наименее способными к управлению — социалистами. Я верю, что в Вене снова будет король или император, но я одобряю правительство, оказывающее больше поддержки рабочим, нежели собственникам и старикам. Спасти рабочую силу — значит спасти Австрию.

— Определим точно, — сказал г. Зальцбах, — как мы сможем работать сообща. Мы здесь не проезжие туристы, покупающие вещи по случаю. Мы ищем австрийских компаньонов для длительных предприятий. Вы уже заключили с голландцами и швейцарцами договоры товарообменного характера. Я бы хотел с вами заключить сделку, исходя не из веса сырья, а из определенного количества времени. Я снабжаю вас углем, хлопком. Вы даете мне труд своих рабочих на условиях их обычной заработной платы и беря для себя приличное вознаграждение. Вы сохраняете своих рабочих; в них — ваше богатство.

Я прихожу вам на помощь, прежде чем вашу промышленность постигло непоправимое несчастье. Но я требую, чтобы вы работали исключительно со мной. Я не желаю ставить на ноги ваше пред-

приятие для того, чтобы другой извлекал из него пользу.

Г. Фрейденберг ответил с меньшей поспешностью, чем тогда, когда давал разъяснения об оплате труда своих рабочих. Он молча приветливо улыбался, затем сказал медленно и учтиво:

— Я польщен, что такой значительный человек, как вы, обсуждает вопрос о заключении со мною товарищеского договора. Наша фирма всегда была высокого мнения о французском способе вести дела. Разрешите мне поразмыслить над столь важным предложением. Чтобы помочь мне лучше разобраться, не сообразовали ли сказать мне, какова максимальная сумма денег, которую вы вложили бы в дело? И еще: будет ли взаимной исключительность наших товарищеских отношений?

Каждый из них избегал точно определить, чего он хотел от другого, и они расстались, рассыпаясь в любезностях друг перед другом.

Удобно усевшись в углу автомобиля, г. Виктор Кутанс обратился к г. Зальцбаху, у которого лицо внезапно стало чрезвычайно строгим:

— Он проявляет по отношению к нам ту же симпатию, что и владельцы франкфуртских и майнцских фирм: желание сотрудничать вместе с богатыми французами, потому что есть надежда легко от них избавиться или, используя, подчинить их себе; между тем как англичане или американцы становятся господами предприятий, в которые они входят.

Г. Фрейденберг ответил на все твои вопросы, но ты должен был уйти, чтобы не отвечать на его.

— Это австрийская манера. Они не решаются

назначить свою цену из опасения продешевить и желают, чтобы покупатель сам оценил продаваемую ими вещь.

— Я не думаю, чтобы этот человек настолько обеднел, как он утверждает. Иначе у него не было бы такой уверенности.

Г. Кутанс, полагая, что г. Зальцбах опечален неуспехом, похвалил ему:

— Уж не привычкой ли к домашним ссорам приобрел ты ловкость в прениях? Если бы я был королем, я старался бы выбирать министров среди тех мужчин, которые ежедневно ссорятся со своими женами. Это прекрасная тренировка для преодоления трудностей.

Движение автомобиля колебало живот г. Зальцбаха над его плотными ляжками. Кишки болтались внутри его, как вино в бочке. Он наклонил свою крупную голову.

Г. Зальцбах размышлял.

IV

В ресторане с открытой сценой, где женщины в лентах прогуливались перед столиками, мистер Олдридж, представитель фирмы Зингер, Малькольм и К^о, Нью-Йорк, приглашенный к столу гг. Кутансом и Зальцбахом, высказывал свое мнение о венских делах.

— Я осмотрел для Зингера, Малькольма и К^о все города на окраинах христианства! Центр цивилизации — Вена. На востоке по значению ей

равен только Константинополь: ислам. Запад расплатится за безумие, с которым он разрушил древнюю столицу. Подобно Карфагену, уничтоженному Римом, подобно Риму, разоренному варварами, Вена, доведенная до истощения европейцами, — потеря для человечества.

Две очень юные девушки танцевали друг с другом; темная масса их красивых волос развевалась при каждом движении.

Лакей с худым бритым лицом положил на тарелку г. Кутанса кусок жареного гуся и красную капусту, затем вынул часы из кармана жилета, явно грязного, несмотря на черную материю:

— Великолепная старинная вещь, сударь; послушайте, какой звон.

— Дорогой граф... — начал было г. Кутанс, введенный в заблуждение сходством жестов лакея и благородного графа Эрберна, но спохватился:

— Негг Ober, сколько?

— Десять тысяч крон. Они принадлежали Марии-Антуанетте.

— Вот светская женщина с прекрасными коммерческими способностями.

— Какого рода дела, — спрашивал г. Зальцбах у мистера Олдриджа, — ищите вы в Вене для Зингера, Малькольма и К^о?

— Снабжения населения продовольствием, совместно с правительством, ибо последнее держится не политикой, а съестными припасами. Нью-Йоркская Grain Corporation может вызвать здесь революцию, если перестанет отправлять свои посылки. Сделки с частными лицами весьма затруднительны. Австрийцам уже почти нечего продавать, как

могут они что-нибудь покупать? В Австрии можно еще заниматься благотворительностью, но делами уже больше нельзя. Швейцарский пивоваренный завод наклеивает, в виде ярлыков, на свои бутылки — билеты в одну крону, ибо крона в Цюрихе стоит дешевле ярлыка.

Империя с 52 миллионами жителей сведена на семь миллионов, из которых два с половиной приходится на Вену. Маленькая страна с бесхлебными равнинами и беспастбищными горами, страдающая водяной головы, по милости столицы, в которой содержание 500.000 служащих превосходит все возможности бюджета. Управляющий одним из министерств как-то сказал мне: „Когда же я смогу наесться хлеба вдоволь!“ В течение двух лет он не купил себе ни одной рубашки: она стоит 450 крон. В домах, лишенных света и огня, зимою нельзя заниматься музыкой, а музыка, ведь, радость австрийской семьи. Ложатся, чтобы не было так холодно. Самые интеллигентные люди ведут здесь скотский образ жизни.

В Венском университете недостаток иностранных книг и материалов для опытов. Их следовало бы купить на доллары, на фунты, на швейцарские франки. Все умирает в этой стране: раса, труд, наука.

Политические смуты осветят заревом эту нищету. Народ, ожесточенный страданием, будет судорожно метаться направо и налево: от монархии к большевизму. Он разобьет стекла, безумствуя от холода, когда у него не будет угля, и подожжет пекарни, безумствуя от голода, когда у него не будет хлеба. Но еще хуже: нужда может быть

настоятько велика, что в народе не останется энергии, необходимой для революции.

Пока мистер Олдридж говорил это, танцовщица, приветствуемая рукоплесканиями, отвечивала поклоны, скрестив руки на груди вместо того, чтобы опустить их книзу по-европейски.

Мистер Олдридж пробормотал:

— Стамбул.

Запыхавшаяся девушка покидала наощенную эстраду, задев своими красными лентами г. Кутанса. Он позвал ее взглядом. Она повиновалась, как собака. У нее были нежные глаза и робкая улыбка.

Г. Кутансу, всегда возбуждавшемуся при виде блондинок, нравились ее большие скорбные зрачки и тугие, искусно схваченные в узел, красивые волосы. Получив приглашение покушать, она взглянула на обильно уставленный стол и спросила:

— Что мне можно взять?

Она медленно подносила куски ко рту, с изяществом настоящей танцовщицы, умеющей сделать красивым каждый жест, но затем внезапно схватывала пищу и, поспешно разжевывая ее, щелкала белыми зубами.

Г. Кутанс ободрял ее:

— Что вам нравится, мадемуазель? Вы любите гуся?

Так как он нарезал ей в четвертый раз, она поняла, что возбуждает его жалость:

— Мерси. Я сегодня еще ничего не ела.

Сидя против нее, г. инженер Пшебыль уничтожал еще с большей откровенностью все, что ему подавали. Он спешил опустошить свою тарелку, чтобы иметь право взять еще.

Стыд изголодавшейся девушки был явственно виден на ее нежном лице. Г. Кутанс, заметив это, посоветовал ей взять пример с превосходного собеседника:

— Взгляните на этого господина: инженер Пшебыль. — Она наклонилась. — У вас — молодость, у него — аппетит. В течение двух часов, что мы сидим за столом, он не проронил ни слова.

Чтобы почтить богатых посетителей, опорожнявших изрядное количество бутылок, исполнитель шансонеток стал за стулом г. Кутанса и, в такт с мощным оркестром, начал горланить какую-то венскую шансонетку.

Полный мужчина с красным лицом широко раскрывал ревущую глотку.

— Прекрасное здоровье, — заметил г. Кутанс.

— Это потому, — сказала молодая девушка, — что он ест то, чего другой не коснулся бы даже сапогом: — оставшееся на тарелках, упавшее на пол, обглоданные кости, настольную бумагу, залитую соусом. Если не брезговать ничем — худеешь меньше.

Довольный двадцатью кронами, полученными на чай, обжорливый певец пошел орать в другом месте свои веселые песенки.

Г. Кутанс стал расспрашивать молодую девушку, насытившуюся наконец и сиявшую радостью; в глазах ее уже не было тоски, и пищеварение придавало ее коже великолепный оттенок. Девушка с крылатой грацией держала в руке рюмку ликера, прикасаясь к ней лишь краем улыбающихся губ.

— До войны я давала уроки музыки и танцев. Теперешние семьи слишком бедны, чтобы учить

этому детей. Когда снова появятся богачи, дающие хорошее воспитание детям, я не смогу вернуться к своему прежнему занятию, — ведь я плясала здесь, куда ходят отцы моих бывших учеников. На это у них всегда находятся деньги. Если бы они по-прежнему давали мне работу, им не в чем было бы меня упрекнуть. Здесь я получаю 100 крон в день. Этого не хватает даже на обед. Я живу в Шенбрунне и каждую ночь трачу час на возвращение домой, ибо ресторан закрывается в 11 часов, а трамвай ходит только до девяти. Родилась я в Буда-Пеште. Зовут меня Эльза Соможи.

— Я отвезу вас на машине, — сказал г. Кутанс.

Г. Зальцбах возражал мистеру Олдриджу:

— В Вене осталось еще много денег. Доказательство — этот переполненный посетителями ресторан. Мы с трудом получили столик.

В противность своему обыкновению говорить без жестов, американец сделал над самым столом весьма скромное движение указательным пальцем, направив его в сторону находившихся в зале:

— Иностранцы, кутящие женщины, венцы, одни — нажившиеся на войне, другие — пришедшие сюда, чтобы опровергнуть свое обнищание. У себя дома они едят раз в день капусту, далеко не всегда с картофелем. Раз или два в месяц они приходят сюда со своими нищенскими сбережениями, натянув на себя единственную манишку, ибо крахмала почти нет; они спасают свое здоровье — наедаясь, и свою респектабельность — показываясь здесь. Посмотрите, как велики им всем их воротнички. Они сохраняют хорошие манеры, даже умирая с голода.

Г. Зальцбах думал, что мистер Олдридж делится с ним всеми этими соображениями не-коммерческого характера, лишь для того, чтобы заинтересовать его к моменту, когда речь зайдет о высоких ценах Grain Corrogation и ценах на сгущенное молоко. Но он ошибался; Мистер Олдридж говорил охотно о вещах, не имевших никакого отношения к торговле. Его фирма Зингер, Малькольм и К^о сообщала прессе сведения о положении в Австрии, читавшиеся в Америке с большим интересом. У этого сорокапятилетнего человека была, помимо практической деятельности, своя философия дельца. Он с трудом говорил и выслушивал банальные суждения и поэтому дурно отзывался о благовоспитанных людях. Он дал г. Зальцбаху такой совет:

— В этой стране я рискнул бы десятой частью своего состояния, но не больше. Возможность успеха основывается на том, что здешний народ не в силах долго оставаться в таком тяжелом положении. Последний предел приспособляемости к нищете уже пройден.

Судьба коммерции связана с судьбою нации. Если последняя станет на ноги, можно крупно заработать; если ей суждено умереть, можно все потерять.

Труд ценится в Австрии ниже, чем в Китае и Индии, где заработная плата считалась самой низкой в мире.

— И что же из этого? — спросил г. Зальцбах; поспешность, с которой он задал этот вопрос, явно указывала на то, что беседа принимала важный для него оборот:

... — Разве вы — Зингер, Малькольм и К^о — орудуете разницей заработной платы?

— Мы орудует товарами. Я не совсем хорошо понимаю вашу мысль.

— Вы занимаетесь обменом денег. Вы, ведь, не производите обмена труда?

Мистер Олдридж медленно повторил:

— Обмен труда, — затем он ясно схватил эту мысль, ибо выразил ее более точно на английском: — Change of vages. Обмен заработной платы.

Г. Кутанс, допуская невежливость по отношению к танцовщице с глазами ребенка, внезапно перестал обращаться к ней и уставился на г. Зальцбаха, как будто начиная понимать в нем то, что старался постичь в течение многих дней. Он пробормотал:

— ... золото.

Женщина, восхищенная, робко сказала:

— Как ваше сердце.

— Мы, Зингер, Малькольм и К^о, не считаем Австрию безнадежной. У нас есть агентства в Будапеште, Праге, Белграде, Варшаве. Через наши руки пройдет значительная доля торговых оборотов в этой части Европы. Мы еще не располагаем достаточными для нашей деятельности цифровыми данными. Мы занимаем выжидательную позицию, мы популярны, вследствие нашей благотворительности.

— Вы приучаете брать корм из ваших рук.

— Если какие-нибудь дела будут здесь возможны, мы в первую очередь получим самые важные из них. Я желаю, чтобы поскорее прекратился этот великий позор Европы и человечества: нищета Вены.

Г. Кутанс поздравил его с тем, что он перечислил столько городов.

— Сколькими языками вы владеете?

— Язык доллара и револьверного патрона понимают всюду.

— И вы много путешествовали с этим словарем?

— Нет. Я еще не знаю Китая. Но я туда отправлюсь. Расстояние не преграда. Человека могут удержать три метра в высоту, тюремная стена, но не десять тысяч километров в длину. Я совершу кругосветное путешествие, чтобы осуществить одно предприятие.

— С вашими прекрасными свойствами и с долларом, равным по курсу 15 франкам, вы опасные конкуренты.

— Защищайтесь. Мы сообщаем победим германскую армию. Не давайте американской и английской торговле победить вас. Каждый борется за себя. Fair play. Открытая война—прекрасная вещь.

— Война,—сказал г. Кутанс,—ее, как нечистоты. нужно выносить подальше от себя. Мы этого не сумели.

Мистер Олдридж сделал поправку:

— Нужно так же точно обращаться и со своей торговлей. Вы слишком много сражались у себя и слишком мало ведете торговых дел в других странах. У вас есть промышленники, чьи труды составили бы гордость Америки, но вы недостаточно их цените: Эжен Шнейдер в металлургии, Луи Рено в механике, г. Жюльен Бесонно, который, осуществив трестирование текстильной промышленности, зажег доменные печи,—но у вас есть также и завсегдатая бульваров, живущие

в Париже между улицей Риволи и Оперой, как в деревне: Вандомская Колонна служит им колокольной.

Г. Гейдрих направлялся к ним через зал ресторана, фамильярно похлопывая по рукам какую-то танцовщицу.

Пылкие жесты этого вполне благопристойного человека и его речь, исполненная большой учтивости, шли в разрез с холодным отворачиванием, сквозившим в его взгляде. Он казался как бы утомленным всем, что ему приходится делать, и все же при этом он никогда не погрешал против правил светской любезности.

Извинившись за свое опоздание, он предложил: „Prosit!“

Из вежливости выпили еще; инженер Пшебыль выпил больше других, ободряемый г. Кутансом:

— Никогда не следует пить воду в дороге.

К этой мере предосторожности, направленной против тифозной горячки, мистер Олдридж прибавил арабское изречение:

— Умирают от капли вина,—и пролил одну на пол, чтобы наполненный до краев стакан был приятен и господу, и человеку.

Он предпочел курить свои „Gold tipped“ и отказался от приглашения г. Гейдриха поехать на маскарад в один из зал VII округа.

Там в толпе, среди скромных старых платьев, они заметили несколько прекрасных туалетов на женщинах с ослепительно-белой кожей.

Г. Гейдрих называл их имена и имена их кавалеров:

— На бал теперь являются все,—ведь так мало случаев развлечься. Скромные платья—наши маши-

нистки, а красивые туалеты—наши жены. Они не снимают масок, это корректно.

Толпа, где все были тесно прижаты друг к другу, с такою правильностью двигалась в такт шумного оркестра цимбалистов, что производила впечатление огромного тренированного зверя. Давка и теснота несколько не нарушали этого гармоничного топтания ногами.

На галлерее, окружавшей место танцев, ели и пили зрители.

Г. Пшебыль жаловался, что все столики уже заняты. Г. Кутанс, став учеником своего маленького профессора—ловкой, веселой венгерки,—танцевал под ее руководством.

Г. Зальцбах говорил ему мимоходом какие-то глупости и удивлялся мерному движению толпы.

— Нет никакой надобности так долго рассылаться перед своей дамой в вежливостях, чтобы улечься с нею в постель... Всякий, как бы он ни был умен, занимаясь этим делом, становится совершенным идиотом... Я вижу пары, которые могли бы вертеться на тарелке... Но ты в состоянии проделывать это только в лохани.

Он досадовал на себя, что у него не хватает смелости пуститься танцевать. Больше чем богатству, он завидовал людям стройного телосложения, ибо сам он был обладателем толстого живота. В жизни у него было две главных заботы: похудеть и заработать деньги, значительную часть которых он охотно бы отдал, чтобы избавиться от своего живота.

— Фрау Элли Гольдберг. Вы можете называть ее Титин или Ненет, как во Франции.

Улыбка фрау Элли приоткрыла зрелым плодом ее алые губы над белыми зубами.

Г. Гейдрих похвалил ее кротость:

— У нее характер еще лучше, чем она сама.

Г. Кутанс был очарован этим, как бы созданным из мрака и света, лицом, на котором траур маски освещался улыбающимися устами и радостным взглядом. Эта приятная особа, чувствуя себя совершенно свободно в такой толчее, где были редки свежие платья, увлекла за собой г. Зальцбаха. Он думал только прогуляться с ней под руку, но подхваченный ею, невольно стал ускорять шаги. Он начал танцевать. Г. Пшебыль, сидя за столиком на галлерее, приветствовал его вилкой и отбивал ею такт,—этим он приносил свою дань хореографии. Г. Зальцбах, покоряясь размеренным движениям своей дамы, восхищался мягкостью, с которой двигалась эта красивая девушка, и под своей рукой, лежащей на ее мускулистой спине, чувствовал ее мощное тело.

Он думал: „В Париже я бы расположился в буфете, как это сделал сейчас инженер Пшебыль. Путешествия изменяют человека“.

Г. Кутанс стал подсмеиваться над ним:

— Ты—круглый и вращаешься подобно земле. У меня, пожалуй, с тобою было бы меньше хлопот, чем у Галилея с кардиналами, ибо я утверждаю, что чем больше ты вертишься, тем становишься менее круглым. От танцев худеют.

Около одиннадцати часов—когда увеселения заканчиваются в целях экономии освещения—г. Гейдрих остановил г. Зальцбаха, воскликнувшего: „уже!“ Любезный кавалер с печальным взглядом

вел под руку свою даму, одетую в черный шелк: она отличалась необычайной белизной кожи и хотела подчеркнуть это еще больше черным цветом платья.

— Мицци, едем с этими господами; они желают еще потанцевать, у вас мы будем чувствовать себя лучше.

Она обняла за талию Элли Гольдберг, как бы защищаясь от напора толпы, так как г. Зальцбах прикрывал их довольно слабо. Г. Гейдрих, встав на стул, искал г. Кутанса.

— Не уехал ли он уже в Шенбрунн? Он, ведь, очень благовоспитанный человек.

Но вскоре он увидел г. Кутанса, — тот шел потный и смеющийся, довольный неожиданной радостью, подаренной ему молодой девушкой.

— Отправимся вшестером, — мило предложил г. Гейдрих. — Г. инженер Пшебыль ужинает. Было бы не совсем корректно отрывать его.

Г. Зальцбах взял под руку фрау Гольдберг, в то время как г. Кутанс, пуская в ход уменьшительное имя, уверенно и ласково усаживал в автомобиль свою танцовщицу Эльзу: „садись, Лолот!“ — Г. Гейдрих, повинуясь распоряжениям правительства, выключил свет внутри машины.

Она освещалась только белизною женских лиц, уже без масок, и укатила в городскую ночь, полную мрака: электричество не горело вследствие угольного голода. Вдруг темнота сгустилась еще больше, — причиной была толпа, не сразу подчинявшаяся предупредительным сигналам.

— Эти люди, — сказал г. Гейдрих, — ожидают открытия мясного рынка. Они стоят со вчерашнего

дня, образуя очередь в пять тысяч человек. Сзади на-
пирают, спереди дерутся. Отсюда уносят упавших
в обморок, а иногда и мертвых. Счастливым
достается пятьдесят грамм свинины. Некоторые
контрабандой перепродают этот паек. Другие от-
правляются в Венгрию, в Чехию в поисках гусей
и говядины, которую они прячут у себя под одеж-
дой. Роскошная пища, которую нам подают в оте-
лях, насквозь пропитана потом контрабандистов.

Отупевшие от усталости и холода люди кучами
лежали на земле, как мертвецы на поле жестокой
битвы. Машина, проехав мимо последних осужден-
ных на эту адскую муку, ускорила ход вплоть до
самого дома; женщины попросили подниматься по
лестнице молча. В зале, освещенной двумя боль-
шими лампами, они оказались еще более очарова-
тельными, чем в бальной суматохе; жесты их
оголенных рук, сжатых у локтей браслетами, стали
свободны и легки — и это их очень красило. Вни-
мание, оказываемое им, нравилось каждой, в осо-
бенности, если оно вызывало досаду подруги. Но
они отнюдь не питали ненависти друг к другу.
Они испытывали только естественное недоверие,
свойственное их полу, и привычное удовольствие
вредить друг другу. Каждая из них была бы
счастлива, если бы все внимание мужчин сосре-
доточилось только на ней. Мицци Вальбаум, высо-
кая брюнетка, хозяйка этой прекрасной квартиры,
расставляя стаканы и пирожные, просияла, когда
г. Зальцбах, покинув Элли Гольдберг, подошел
к ней и внезапно обнял за талию. Ее смех зазв-
нел над токайским вином, которое она очень
нежно предложила своей униженной подруге,

грациозно помогавшей ей расставлять сверкающий хрусталь на маленьком мозаичном столике вокруг золотистых бутылок.

Г. Гейдрих наставлял г. Кутанса:

— Эльза Соможи скоро будет иметь такую же квартиру; на кроны это обойдется вам недорого, а для нее это будет не впервые; она была не только учительницей танцев, но и любовницей Гюнтцмана, крупного капиталиста, игравшего на бирже. Либо у Гюнтцмана не хватает теперь денег кормить ее, либо Эльза слишком горда, чтобы брать хлеб там, где его осталось так мало. Она танцует.

— Адски хороша,—сказал г. Кутанс.

— Вот теперь наши подруги обнимаются, если не для того, чтобы проявить свою любовь друг к другу, то, по крайней мере, для того, чтобы больше нам понравиться. В столь тяжелые времена не существует гордости. Мицци Вальбаум, быть может, принуждена будет скоро обменять этот прелестный кубок старого венского серебра на фасоль и сгущенное молоко мистера Олдриджа. Трудное время для красивой женщины. Та, кто научила любви императора Карла I, поет в оперетке „Дама из цирка“ очень милый куплет о несчастной Австрии.

Г. Зальцбах оценивал кубок:

— Прелестная вещь. Я бы охотно ее взял. Все можно найти в обнищавшей империи: и ценности по случаю, и женщин.

Г. Кутанс с большим удовольствием смотрел на тела танцующих женщин, чем на этот, прекрасно сработанный металл. Он оценивал их, сравнивая с вином.

— В пути следует пить местные вина. Зачем всюду требовать шампанское и возить с собой парижанок? Не помню, на борту какого парохода, наводненного во время стоянки в порту проводниками, нам было предложено выбрать себе женщин по фотографическим карточкам. Американский негр потребовал себе одну, стоимостью в пять тысяч лир. Когда сводня-проводник явился ко мне, у него были женщины ценою лишь в пятьсот лир. Я ему назвал свою обычную цену: двадцать франков. Предмет, стоимостью в лунддор, можно найти в любой части света. Он мне ответил: „Также и здесь! Но вы опоздали: королева уехала вчера“.

— Ты родился богатым,—сказал г. Зальцбах.—Твоя кормилица начинала твою соску трюфелями. Поэтому у тебя выросла пара золотых зубов. Мои же—всего лишь из кости. Я не всегда имел женщин ценою в двадцать франков. Одна из них, столь же общедоступная, как и нравственность, которую она оскорбляла, наделила меня вшами. На следующий день я стал упрекать ее. Она мне ответила: „Неужели ты думал, что за три франка я дам тебе шелковичных червей?“

Г. Кутанс опечалился:

— Как это зло—попрекать меня богатством. Я ничего не сделал, чтобы стать богатым. Обращайся к моему отцу, который оставил мне прекрасное наследство. Я доверил его честным работникам. В пять лет оно удвоилось. Я не ответствен за то, что моя семья была состоятельна и мои товарищи трудолюбивы. Немного таких, но все же есть люди, как я,—неповинные в своем богат-

стве, точно так же, как ты неповинен в своем здоровье.

— Заблуждение. Я всегда жил умеренно, следуя только своим привычкам, подобно тому, как кутили верны своей привычке любить. Единственно, чего я страшусь—это измениться. До сорока лет мужчина делает все, чтобы разрушить свое здоровье, а затем все—чтобы сохранить его. Ты слишком любишь женщин, а ведь их ремесло—выматывать здоровье мужчин.

Г. Гейдрих весь ушел в свое любимое занятие—музыку; он сидел за роялем и так тихо касался клавиш, что от них исходил лишь шопот вальса, приводивший в волнение тела женщин, наклонявшихся в такт музыки. Касаясь друг друга концами пальцев, они медленно кружились. Эльза посредине, лицом к Элли и спиной к Мицци, три пары стройных ног, еле касающихся навощенного паркета. Довольные тем, что могут двигаться свободно после унижения, пережитого ими в толпе, где они были сжаты со всех сторон, окрыленные, нервные, все три женщины, казалось, готовы воспарить в солнечной улыбке.

Их легкое злорадство как будто растаяло в любовных движениях их тел, соединенных танцем.

Г. Гейдрих играл крайне благоговейно. Г. Зальцбах сказал ему в виде любезности:

— Вы могли бы переложить на музыку мемуары Людендорфа.

Он ответил:

— „И пусть день, в который хотя бы однажды не предавались пляске, будет считаться потерянным для нас“. Так говорил Заратустра.

Мицци Вальбаум, закрывая глаза, погасила свой прекрасный томный взор. Три прелестницы, сочетая движения своих юных тел с душою музыки, вальсировали, с видом набожных женщин, которые молятся с таким жаром, что улыбка замирает на их красивых лицах.

Когда они, кончив танцевать, вернулись улыбающиеся к мужчинам, г. Кутанс, желая сказать дамам любезность, невольно повторил слова мистера Олдриджа, сам этому удивившись:

— ... пусть скорее прекратится этот великий позор Европы и человечества: нищета Вены.

Голубоглазая Элли Гольдберг поклонилась, увлекая за собою обеих подруг, которых она держала за руки. Казалось, она продолжала танцевать. Они снова перестали улыбаться.

V

После беседы, во время которой граф Эрберн назвал венские дома, где можно было встретить самых красивых женщин, а мистер Олдридж—кварталы, где было больше всего нищеты, г. Кутанс спросил американского коммерсанта:

— Вы отлично знаете этот несчастный город. Не хотите ли помочь г. Зальцбаху найти то, чего он ищет?

— Золотую руду?

— Нет, свободные помещения.

— Это одинаково трудно. Вена перенаселена. Действительное число ее жителей неизвестно:

может быть, два с половиной миллиона. В ней есть много текучего населения: одни австрийцы прибывают, будучи изгнаны из областей, отпавших от империи; другие уезжают отсюда, чтобы не умереть с голоду. Кладбища Вены наполняются, не разгружая домов. Бездомные ищут в газетах объявлений о смерти и бегут по этим адресам, чтобы снять квартиру умершего. Посетим XVI округ.

Они отправились втроем: Олдридж, Зальцбах и Кутанс на Крейтнергассе, где когда-то был танцевальный зал. Владелец сказал им:

— Я вам сдам его внаймы под товарный склад, если вы снимете запрещение, наложенное городом.

Здесь помещалось муниципальное убежище для бесприютных. Длинный танцевальный зал со стенами, разукрашенными трипьем, был заполнен соломенными тюфяками, лежавшими на некрашенных и невыстроганных досках, хранивших еще шероховатые следы пилы. Женщины, сидя на краю этих жестких одров, пребывали в праздности, не имея ниток для шитья и мыла для стирки.

— Каждый час труда, потерянного этими руками, — сказал г. Зальцбах, — золотая монета, утерянная из достояния Австрии. Здесь могли бы работать триста швейных машин.

Посетителей охватил запах грязного белья и плохо вымытого тела. В глубине этого помещения с ужасным воздухом светились детские глаза. Директриса убежища, выделяясь своей белой блузой, явилась, исполненная строгости по отношению к этим иностранцам, которых никто не ожидал. Гг. Зальцбах и Кутанс были удивлены вни-

мательной мягкостью речи мистера Олдриджа, который в точности нашел нужные слова, чтобы сделать любезной эту австрийскую женщину, возбужденную против бесцеремонных победителей:

— Господин Зальцбах, господин Кутанс, из Парижа. Джон Петер Олдридж, из Сан-Франциско.

Мы явились сюда, Frau Direktorin, не для того, чтобы развлечь себя зрелищем этих несчастных. Если вы примете благосклонно наше сочувствие, мы готовы его высказать, но если вы сочтете его нескромным, мы удалимся, свидетельствуя должное уважение к несчастью, которое должно глубоко опечалить сердце всякого порядочного человека.

Тогда дама в белом приняла гостей более благосклонно. Она показала все, включая подвальный этаж, где помещалась старая походная кухня, еще хранившая надпись: Krieg-Küche. Чтобы показать качество пищи, служанки погрузили черпаки белой жести в котлы, наполненные прозрачным супом, — кипящей жидкостью желтого цвета, в которой плавали одинокие зерна фасоли. Гордость, с которой держала себя директриса, свидетельствовала о том, что она считает вполне приемлемой эту пищу, — как доказательство ее умелого заведывания.

— Можно ли жить, — спросил г. Кутанс, — если питаться только этим?

Он никогда не видел близко такой нищеты.

На улице мистер Олдридж объяснил, почему необходимо подходить с осторожностью к директрисам этих благотворительных учреждений.

— Среди них встречаются разорившиеся дамы

из высшего венского общества, которые поддерживают свое достоинство, отдаваясь этому делу и получая за это ежедневно тарелку супа.

— Нелзя,—сказал г. Кутанс,—дать орудие в руки людей, которые так плохо питаются. Женщины, с несколькими ложками этой грязной воды в желудке, не в состоянии нажимать педаль швейной машины с требуемой скоростью. Они просидят пятнадцать дней над работою, которую можно сделать в два дня.

Он подверг критике г. Зальцбаха:

— Ты умеешь покупать и продавать, но ты ошибаешься, когда полагаешь, что труд во всем подобен законченному продукту производства и что чем дешевле ты его приобретаешь, тем это выгоднее. Рабочих, находящихся в таком положении, я не взял бы к себе и даром.

— Я ищу сто тысяч таких.—ответил г. Зальцбах.—И беру также детей. Это будет лучше, чем оставить их на улице.

Мистер Олдридж пригласил их поехать взглянуть на детей, питаемых американскими кухнями. Автомобиль, оторвавшись от толпы детишек, вышедших из вонючего дортуара, подъехал к Mädchen-Schule. Бледные девочки, с косичками вокруг головы, ожидали у дверей и попытались исподтишка пробраться вслед за посетителями. Мальчик лет десяти, с нарукавною лентою: „Ordner“—заставил вернуться маленьких голодающих в очередь, которая начиналась в зале ожидания, где дети предъявляли свои карточки контролю. Их голод был строжайшим образом дисциплинирован. Раз в день они приходили,—мальчики и девочки

вместе,—и получали обед, который они должны были съесть тут же, сидя на школьных скамьях. Уткнувшись носом в порцию какао на сгущенном молоке, с куском белого хлеба в руках, они переживали лучший момент своего дня. Ordner, стоя у дверей, ощупывал карманы тех, кто уходил.

— Они крадут?—спросил г. Зальцбах.

Директриса школы-столовой объяснила:

— Мы принимаем только моложе 14 лет. Юноши во цвете сил не получают ничего. Мы, к сожалению, не можем удовлетворить всех. И вот малыши уносят еду с собою, чтобы поделиться с семьей. Было очень трудно воспрепятствовать этому. Дети хитрее нас. Чтобы доискаться до конца, следовало бы их раздевать. Одна девочка прятала нарезанный ломтями хлеб в чулки. На следующей неделе она жаловалась на зубную боль и приходила со щекой, повязанной тряпкой, под которой скрывала флюс из хлебной мякоти. Мальютка, задержанная Ordner'ом, доедала в его присутствии последний кусок, так как ей не разрешалось выходить отсюда с полным ртом. Другая пыталась пройти, прижав к телу локти, как будто ей было холодно. Мальчик-полицейский потряс ее. Из под левой мышки у нее выпал кусок белого хлеба. Тогда мальчик заставил всех поднять руки. Они проходили перед ним в позе солдат, сдающихся в плен. Маленькая обманщица, вынужденная съесть свою порцию, плакала.

— Для кого ты хотела ее припрятать?—спросила директриса.

— Для мамы. Если я ничего не приношу, она меня бьет.

Женщина, осуществлявшая суровое дело непреклонно и любовно, наклонила свою молодую, но уже поседевшую голову:

— В каждой груди—голод, в каждом сердце—несчастье. Есть много родителей, присылающих нам благодарственные письма, но есть и такие, которые бьют своих детей, если им не удастся нас провести. Страдания, вызванные войной, простираются далеко за пределы поля сражения. Среди этих сотен детей, в возрасте смеха и забав, нет радости совсем. Это отнимает у них аппетит. Следовало бы их матерям сидеть рядом с ними. Есть семьи, которые в течение нескольких лет, не ели таких вкусных вещей, что даются здесь ежедневно. Ведняки едят одну лишь капусту на воде, у них нет ни картофеля, ни хлеба, ни мяса.

Директриса пошла усадить крошечную девочку, готовую упасть со скамейки. Девочка постарше, сидевшая рядом с ней, толкала ее не из злости, а потому, что была слишком занята своей порцией, и не замечала неудобного положения робкой малютки. Когда директриса обратила ее внимание, она стала нежна, обвила рукою шею ребенка и прижала его к себе. Пятна от какао резко выделялись на ее бледных губах. Мистер Олдридж воспользовался этим, чтобы восхвалить Америку:

— Мы доставили это сюда. Товар хорошего качества... Я еще не извинился перед вами за то, что вчера покинул вас перед балом Там, вероятно, было приятнее, чем здесь. Шик—великая культурная сила. Солдат, проповедник отправляются завоевывать или убеждать народы. Но шик могу-

щественнее армии и силен не менее, чем религия. Париж, Вена—очаровательны именно этим.

Вы видели, как танцуют венки? Прелестно, не правда ли? Эта красивая молодая женщина с седыми волосами, с которой мы только что расстались, тоже шикарна. Она даже не дотрагивается до куска хлеба, который принадлежит детям. Она ест капусту, как те матери, которым дети ничего не должны приносить из своего пайка. Принимая во внимание, что она может весить около сорока килограммов, на основании имеющихся у нас сравнительных таблиц смертности и веса человеческого тела, можно сказать, что в два года она будет истощена на смерть. Это средний срок для случаев питания без жиров.

В Париже любят обыкновенно ограничиваться одной какой-либо чертой для характеристики местности: Лондон—туман. Мадрид—кастаньеты. Вена—веселье. Константинополь—бакшиш. Однажды я посетил мечеть, где дервиш спросил меня: „Ты желаешь войти обутым?“ Я ему ответил: „Нет. Ты ходишь босой по земле, для тебя священной,—я сделаю то же самое“.

Я взял в руку башмаки, чтобы иметь возможность увидеть восхитительные фаянсы и ткани, за которые женщины поступились бы своею честью. По выходе я хотел дать бакшиш бедному дервишу, но он мне сказал: „Велик один бог. Ты его гость и так уважительно отнесся к нему, что я прошу тебя сохранить немного уважения и ко мне, не давая мне денег“. Это тоже было шиком. Как вы думаете?

— Я поделюсь с вами,—ответил г. Зальцбах,—

своим проектом передвижных кухонь для рабочих кварталов. Раздача горячей пищи на дому и около мест работы будет великолепным предприятием в городах, где столько женщин, ставших работницами, служащими и продавщицами, не имеют времени приготовить обед. Никелированные печи-позовки с прислугой в белой куртке и тиковых штанах: 400 грамм, квадратный метр, изготавливается во Флер де л'Орнэ. Это кулинарное предприятие станет более известным, чем бульоны Дювала. Это даст мне двести процентов годовых и орден Почетного Легиона. Ну, а теперь я покидаю вас, г-н коммерции советник Фрейденберг ждет меня.

— Мы отправимся без вас, — сказал мистер Олдридж, — на Лахерштрассе. Десятый округ, один из самых бедных кварталов Вены. Мы кормим там три тысячи детей.

Эти дети были скучены в бараке бывшего военного госпиталя. На головах у девочек ленты были редкостью. Два черных узла, как их завязывают поверх двойной косы эльзасские и баденские девочки, делали их похожими на траурных бабочек.

Блондинка лет десяти медленно приблизилась к посетителям. Она с большой настойчивостью устремила на них свои голубые глаза. Подражая ее храбрости, другие малыши медленно присоединились к ней. Толпа ребятишек, покинув свои места, окружила обоих мужчин и одетую в платье из белой бумажной материи директрису, которая давала объяснения:

— 110.000 детей в возрасте от 11 месяцев до 14 лет, в Вене, и 215.000 во всей Австрии, кормятся Американской Детской Помощью. Мы отпу-

скаем пищу также и матерям, имеющим на руках детей моложе года.

Дисциплинированные дети двигались в порядке очереди, получая за распределительным столом в свои кружки по ложке какао и по куску белого хлеба на железной вилке.

Две сестры с косичками, обернутыми вокруг головы, в бархатных чепчиках, прикрывавших уши, жались, озябшие, босые, касаясь земли лишь одной ногой. Напоминая аистов, стоящих на одной ноге, они подпирали плечами друг друга. Они еще не привыкли обходиться без обуви, подобно мальчишкам, смело шлепающим по земле красными и грязными ногами. Более счастливые товарищи имели рваную обувь, оставлявшую за собою мокрые следы.

— Кожевенные изделия, — сказал мистер Олдридж, — обувь, чемоданы, портфели были в большом количестве вывезены итальянцами после перемирия. Триест получил их целые поезда.

Девочка в мужских башмаках, в которых ее худые икры болтались на подобие языка в колоколе, расталкивала мальчишек, чтобы пробраться первой. Получив нагоняй, водворенная на свое место, она разревелась, как будто над ней стряслось огромное несчастье.

Удивленная таким приступом горя после этой смелой выходки, директриса узнала причину: у девочки на ногах была единственная в их семье пара башмаков. Брат поджидал возвращения сестры, чтобы обуться и прийти поесть самому.

— Это люди, еще не потерявшие гордости. Они не желают, чтобы их детей видели босиком на улице.

Внимательная ко всем волнениям этой великой нужды, директриса матерински подходила к наиболее печальным малюткам, устанавливала их на лучшие места в очереди, двигавшейся мимо баков с какао и подносом с белым хлебом. Они протягивали военные котелки и кружки, украшенные изображением двуглавого орла с растопыренными перьями. Эта детская толпа пользовалась остатками снаряжения императорской армии в виде жестяных и ткацких изделий. Форменное сукно пошло на обувь и головные уборы. Выцветшие краски одежды гармонировали с бледностью лиц. Среди всех этих детей не было ни одной румяной или круглой щеки. Наиболее голодные из них прикладывались губами к котелку, едва успев его наполнить, пили на ходу и откусывали хлеб, еще не усевшись на место.

Над этой убийственной нищетой мистер Олдридж простер свою американскую гордость:

— Мы одни снабжаем съестными припасами. Англичане основали Relief Found¹⁾, но у них пока много контор и мало продуктов. Посмотрите, что сделали мы.

Шины автомобиля раздавливали по земле вокруг барака следы босых ног, — отличительный признак нищих стран: большие пальцы ног, отпечатавшиеся в грязи, были похожи на следы собачьих лап.

Мистер Олдридж повез г. Кутанса во дворец эрцгерцога Франца Фердинанда, убитого Принципом в Сараеве.

В великолепном жилище человека, чье убийство

¹⁾ Фонд помощи.

должно было повлечь за собою миллионы других убийств, ящики со сгущенным молоком и мешки с мукою заслоняли роскошь белых стен. Кладовая серебряной посуды, где прежде находились сокровища венского ювелирного искусства, стала хранилищем съестных припасов. Перед столами с эрцгерцогскими сервизами возникал образ голодающих детей с их железными кружками, украшенными яростною геральдическою птицею. Люстры прекрасной чеканной работы, чернея среди бледных скульптур, как бы вызвали роскошь уничтоженной империи на тяжбу с нищетой детей, питающихся мирским подаaniem.

Закончив горделивую демонстрацию чикагских консервов в княжеском дворце, мистер Олдридж сказал:

— Наши усилия тонут в нищете Вены. Мы не в состоянии спасти этот народ путем благотворительности. В течение двухсот лет человечество не переживало в Европе подобной нужды: так было; вероятно, только в Германии после тридцатилетней войны. В 1636 г. саксонские жители ели человеческое мясо.

Говорят, что нынешние венцы вернулись к этому каннибализму. Мария Крамм, восьмилетняя девочка, кормившаяся в нашей столовой, исчезла 21 ноября 1919 г. Двадцать третьего числа прачка нашла шесть кусков мяса в куче мусора и золы. Не будучи в состоянии одна проглотить все, пока еда не испортилась, она распределила находку между друзьями. Один из них опознал в этом человеческое мясо, чувство страха взяло верх над голодом, и он отнес свою долю в полицию. Нельзя

сказать с уверенностью, что Марья Крамм убита с целью людоедства. Она была изрублена на части садистом. Голод так же силен, как и в 1636 году, но люди предпочитают скорее умереть, чем убить себе подобного, чтобы съесть его. Достаточно страшно уже то, что люди ищут падаль в выгребных ямах и стоках. Не хотите ли взглянуть, как живут эти семьи? Г. Зальцбах вас упрекнет за то, что послеобеденный досуг вы потратили на филантропию. Он слишком отдается делам. Не похож ли он временами на сумасшедшего? Особенно когда он хочет найти золотую руду под венскими трогурами?

Маленький мальчик в зеленой тирольской шляпе, подпоясанный веревкой, держался в стороне, более робкий, чем другие, трогавшие автомобильный рожок. Мистер Олдридж, считая почему-то, что этот мальчик несчастнее других, обратился к нему:

— Где ты живешь?

Его товарищ, встряхивая его от молчаливой робости, крикнул вместо него:

— Оттаринг.

— Это в шестом округе, — сказал мистер Олдридж. — Мы отвезем тебя домой на машине.

Ребенок в зеленой шляпе ответил:

— Я боюсь.

Мистер Олдридж приласкал его:

— Он из деревенской семьи. Туризм уменьшился. В деревнях снова встречаются дети, пугающиеся шума мотора.

Мальчик, который довольно грубо встряхнул его, чтобы внушить ему необходимую смелость для ответа, крикнул:

— А я живу вблизи Крейтнергассе.

Он уселся в автомобиль. Машина доехала до улицы, где в 1912 году боснийские солдаты стреляли в венских рабочих. Куча ребят копошилась на ней, не выключая из своих забав ни войны с палочными ударами, ни мучения более слабых сверстников. Мимо этих игр проходили люди, несшие дрова из молодого леса, срубленного в Wiener Wald'e. Работал там, кто хотел, негодными орудиями, оставляя на месте высокого леса, обрубки плохо спиленных стволов. Нищета народа, лишенного угля, уничтожала красоту вековой растительности. Оборванцы тащили на спине остатки императорского леса. На помочах из веревок подвешивались к плечам двадцатикилограммовые бревна и вязанки хвороста. Изможденная женщина прислонила свою ношу к невысокой садовой ограде. Ее старое, заносенное и застиранное платье было нищенски серо. Она стояла с отвисшей губой, долгое время переводя дыхание, пока смогла ответить, что она уже три часа как вышла из Леопольдсберга и что у нее впереди еще час пути. Она произносила только необходимые слова, чтобы вежливо ответить на вопросы мистера Олдриджа, потом, довольная тем, что может замолчать, опустила свою седую голову.

Нагнувшись вперед, чтобы уравновесить тяжесть ноши, она снова тронулась в путь, воплощенное страдание, волоча изо всех сил ноги и подымая плечо одновременно с коленом. Слышно было, как ее пятки скребли землю.

За нею проходили мужчины и женщины с мешками, полными дров. У тирольцев на шляпах было

петушиное перо и меховая кисточка. Эти нищие люди, опирающиеся на палки, вызывали призрак альпинизма.

Над вереницей изнуренных людей, нагруженных свежими обрубками дерева и сучьями, в глубине длинной и прямой улицы виднелся холм с изувеченным на нем лесом. Г. Кутанс задумался над недостатком угля в промышленности, ужасным показателем чего было это нападение людей на деревья.

Маленький гид просил остановить машину на Брусльгассе, перед домом, где он жил, с внешней стороны опрятным, как и все дома этого рабочего квартала с высокими постройками.

Мистер Олдридж сравнил столицы:

— Снаружи это лучше вашего Бельвиля или Лондонского Soho. Здесь не встретишь вековых стен. Вена уничтожает лачуги. Внутри — та же грязь, что и везде на поверхности земли, когда в стенах заключено слишком много человеческих существ.

Ребенок спускался восемью ступенями ниже уровня улицы.

— Душа строителя конуры, — сказал мистер Олдридж, — во всем подобна душе ростовщика; использовать это углубление только для погребов — значило бы уменьшить жилую площадь, равную крыше. Вот почему мы видим эти вырытые в земле квартиры.

Ребенок вошел в комнату без окон, где стояли две кровати, третья находилась в клетушке с отдушиной, открывавшейся на уровне земли. Семья из шести человек жила в этом помещении, куда воз-

дух проходил через дверь и четырехугольное отверстие величиной со школьную тетрадь. Отрепья, висающие на веревках, протянутых через комнату, расцветивали темноту. Лицо женщины, стоявшей посреди комнаты, было спрятано в тени, благодаря этим хоругвям. Она склонилась над маленьким мальчиком и показала свое лицо, обесцвеченное подобно ее лохмотьям; ночь, грязь и изношенность вошли в ее плоть, как и в ее одежду, отказывающуюся уже облекать нищету человеческого тела.

Мужчина, выйдя из клетушки со слуховым окном, зажег свечу, пламя отбросило на тряпку, висевшую за ним, тень его головы с жесткой бородой. Отрепья казались изображением нерукотворного спаса, платка, на котором запечатлелся скорбный потлика Христа, утертый святою женщиною. Другой образ Иисуса, в более ярких красках, был прибит четырьмя гвоздями к стене. Роскошью этого подвала, где в смертной тени улыбалась икона, были две пары настенных часов — с кукушкой и с маятником, — тикавшие так громко, что казалось, они перерезывают друг друга.

Г. Кутанс никогда не видел так близко древней человеческой нищеты. Он думал, что столкнулся с существом, стоявшим ниже его рабочих, с нищим. Г. Кутанс знал рабочих своих фабрик только как массовую силу, против которой он должен был бороться, в целях удешевления стоимости производства. Каждого в отдельности, с его слабостями, он не знал, и ему казалось невозможным сравнение между этим посиневшим человеком, живущим под землею, и кем бы то ни было из его служащих. Он спросил у рабочего о его профессии.

— Столяр.

Мистер Олдридж, как и следовало ожидать, прибавил:

— Как Иисус Христос.

Все говорили тихо в этом погребе, из уважения к смерти, которая здесь была к ним ближе, нежели жизнь.

— Какую столярную работу, — сказал г. Кутанс, — может выполнять этот опустившийся человек! Он просто старая тряпка и не стоит даже своих лохмотьев.

— Мы видели лишь незначительную часть великой нищеты Вены, — сказал мистер Олдридж. — Вы поймете все до конца, посмотрев госпиталь и кладбище.

Доктор фон Майнль, заведующий детскою клинкою в Главном госпитале, 14, Лазаретштрассе, говорил им:

— Есть степень лишений, к которой человек может приспособиться; за этим последним пределом он умирает. Если вы сравните человеческую нужду с очень высокой горой, голод Вены окажется на уровне ледниковой зоны, где последняя растительность утрачивает возможность существования. Туберкулез увеличился на 100%.

Маленькие больные, лежа на террасе госпиталя, где они лечились воздухом, видели пред собою город с его чревом, терзаемым голодом. Благодаря редкому дыму, небо сохраняло свой голубой цвет. Слабое дыхание этого немощного и праздного скопища людей оставляет воздух чистым, как в открытом поле.

Дети, вытянувшись в грубых простынях из

небеленой бумажной материи, жили, не улыбаясь ни рассветам, ни пышным сумеркам за холмами, с высоты которых дворцы маркграфов смотрели, как превращается в труп древняя империя. Дети протягивали бледные руки к отдаленным кварталам, указывая свои жилища, обозначая с любовью лагуны, где им хотелось бы порезвиться и погибнуть.

Удрученные неподвижностью, они развлекались только созерцанием. Один из них, с красными и припухшими от золотухи веками, глядел, сквозь отягченные недугом ресницы на торжество очаровательного заката, царившего над побежденным городом.

Сильный ветер, протекая воздушной всеобъемлющей рекою, приводил в движение края простынь, детские волосы и блузы сиделок, заменявших этим страдальцам матерей.

Мистер Олдридж снял перед ними шляпу:

— Вы видели на кухнях и видите здесь, в госпитале, женщин, идущих на борьбу с нуждой, как идет в огонь солдат, верящий в свою родину. Стоящая перед нами женщина до такой степени занята этим тощим ребенком, что не заметила нашего поклона. От ее прежнего состояния, превращенного в ничто падением курса кроны до 1,4 сентима, у нее остались только алмазы в ушах, но на руках у нее уже нет ни одного кольца; эти женщины покорны, как само страдание.

В зале, где выздоравливающие девушки сидели, играли, медленно и вяло жестикулируя, доктор Майнль выразил свое сердечное желание услышать их пение и объяснил значение этого веселья г. Кутансу.

Тот в самых лестных выражениях высказал ему свое восхищение и спросил, сколько получает он в год.

Врач ответил:

— Это не имеет никакого значения.

Г. Кутанс в течение долгого времени полагал, что цель всякого разумного человека — стать богатым. Неустойчивость состояния было для него тем же, чем для других — нищета. Всякая приостановка в деле увеличения капитала внушала ему беспокойство. Ежедневно он должен был обогащаться за чьей-либо счет. Он не брался за дела, где из-за 5.000 франков хватают человека за горло, и за такие, где необходима изворотливость женщины на исповеди. Он любил идти прямо к цели и быстро решать дело в ту или иную сторону. Но он говорил:

— Я называю ворами людей, не приносящих мне никакого дохода.

Он ненавидел всякого, кто без какой бы то ни было пользы беспокоил его или отнимал у него хоть немного времени.

В минуты веселости он обыкновенно говаривал:

— Только выпуская мочу, я ничего не зарабатываю.

Падкий на деньги, он стремился теперь завоевать уважение и хотел быть принятым в домах, отнюдь не славившихся чрезмерной страстью к обогащению. Крупное состояние дало ему возможность смотреть на вещи свободнее. Он начинал уважать не одних только богатых людей, между тем как во времена, когда он был обладателем лишь трех миллионов, он обвинял в малодушии

работников, довольствовавшихся пятьюстами франков в месяц, и судил о своих лучших служащих таким образом: „Будь они разумными людьми, они не работали бы у меня“. — С тех пор, как его кредит в банке достиг двадцати миллионов, он мало-по-малу стал открывать в людях разные достоинства, до того времени считаясь лишь с одним — с богатством. Благодаря этому, новому для него, взгляду на вещи, он терпеливо совершал прогулку среди венской нищеты под руководством мистера Олдриджа.

Все же иногда он спрашивал себя:

— Какое это имеет ко мне отношение?

Доктор Майнль поставил его в тупик. Этот человек не зарабатывал. На нем зарабатывали другие. Он отдавал, вместо того, чтобы брать. Во времена яростного триумфа своих первых миллионов г. Кутанс осудил бы мягкость и простодушие доктора Майнля, но теперь он начинал опасаться, как бы ему самому не стать предметом презрения со стороны других. Горделивое сознание своего богатства его больше не удовлетворяло. Он нуждался в новом сокровище: в почтении бедняков. Полагая, что эти чувства ослабляют его, он отдавал дань уважения людям, непохожим на него, Кутанса, — лишь в той мере, в какой это не умаляло его собственного уважения к самому себе.

Ему еще раз пришлось натолкнуться на нечто, шедшее в разрез с его привычками: в выложенном белой и голубой майоликой помещении для детей, где в окне было выбито стекло, сиделка с улыбкой указала на белокурого, с вьющимися волосами

малыша, плепавшего по плитам крошечными босыми ножонками:

— Это он запустил мячиком в окно. Мы не знаем, чем бы заткнуть эту дыру. При сильном ветре бумага не держится. У нас нет стекла. У нас нет белья. Этого ребенка не любят за то, что он причинил нам столько хлопот.

Она обняла его. Робко пройдя через палату, маленькая девочка сделала бегом последние три шага, отделявшие ее от кудрявого проказника, и, чувствуя себя в безопасности между ним и юбкой сиделки, взглянула на вошедших.

— Это спасенные дети, — сказал доктор. — Несмотря на все наши нехватки, мы работаем достаточно, чтобы их вылечить. Вот этих следовало бы выписать. Но сиделки так их любят, что не желают с ними расстаться.

При виде этих девушек, в белых блузах, по виду способных быть лишь хорошими уборщицами, г. Кутанс ясно постигал всю разницу между сердечной добротой и духом спекуляции.

— Можно, — сказал он, — найти стекло в Вене... — Но, несмотря на свое искусство быстро принимать деловые решения, он почувствовал, что в данном случае не способен предложить по цене 5.000 крон за 100 килограммов партию в три вагона, находившуюся в распоряжении г. Пшебыля для вывоза *via Букс*. Г. Кутанс повторил:

— В Вене есть стекло... — Ибо это было правдоподобно, затем внезапно умолк, согласившись тем самым сойти за человека, не знающего, что он говорит. Г. Кутанс был близок к мысли, что не он обворован этими людьми, не приносящими ему

никакого дохода, а, напротив, вор — он, Кутанс, но он освободился от этой мысли так же быстро, как оплатил бы вексель, чтобы не оказаться несостоятельным должником, и выписал Детской Клинике чек в двадцать тысяч крон на Венский Коммерческий Банк: 1.000 франков по курсу 0.05.

— На стекло для разбитого окна, — сказал он.

При выходе оба ребенка приветствовали его певучими голосами:

— *Gott segne Sie* ¹⁾.

Еще улыбаясь при воспоминании об этих двух свеженьких личиках, он вошел в палату, где женщины держали на руках безобразных детей, тощих, с вялой кожей, с паушим телосложением: вздутые животы, хрупкие, лишённые мускулов тела. Эти, как бы наполненные воздухом, похожие на трупы, существа были чудом равновесия, и г. Кутанс, удивленный, спросил:

— Как же они держатся на ногах?

Никогда механик или плотник не осмелился бы осуществить в железе или дереве подобное соотношение частей: большую голову на столь тонкой, как эти шеи, подпорке.

Г. Кутанс ускорил шаг, чтобы избавиться от этого кошмара, от этого сновидения демона, ненасытно алчущего человеческой нужды; но он должен был пройти через палату, где находились дефективные дети — воры или чувственно-развращенные, которых полиция присылала в госпиталь. Сиделка держала на руках только что поступившего ребенка лет пяти, которого можно было, как

¹⁾ Благослови вас господь.

тряпку, поднять одной рукой. Доктор приподнял грубую сорочку,—показалось ужаснейшее тело с огромным левым бедром, в которое упирался острый локоть. Обезьяна или крыса показались бы верхом стройности на ряду с этим изуродованным насекомым, у которого уже не было ни одной естественной линии человеческого тела. Конечно, распухли от холода, отяжелели и стали красного цвета.

— В ведомостях, — сказала сиделка, — значит: вор. Родители уже не в состоянии с ним справиться.

Она дополнила эту краткую характеристику:

— В течение года эта семья ничего не ела, кроме капусты. Малыш ведет себя как голодная кошка. Он приползает к соседям и шарит по шкафам. Его бьют и выбрасывают на улицу.

У него были все навыки животного, питающегося на свалке и проникающего в человеческое жилье, чтобы добыть что-нибудь съестное. Найдя обувь, он сосал кожу. В настойчивости его взгляда было что-то зверское. Он сохранял свои зрачки неподвижными, с энергией удивительной при столь чудовищной физической слабости. Пронзительным голосом, похожим на крик животного, укушенного собаками, он жаловался:

— Хочу есть!

Мистер Олдридж сказал:

— Как глубока нищета Вены, если она высылает таких свидетелей. Тело распятого Христа не испытывало страдания, подобного тому, которое скрючило это маленькое существо, изувеченное голодом.

Доктор констатировал:

— Это крайний тип европейца, созданного войною. За ним идет уже—труп.

Г. Кутанс, выслушивая евангельскую проповедь и врачебную диссертацию, прикрывал глаза рукою, так как это ужасное существо смотрело на него.

Деловой человек чувствовал, что сердце в нем сжимается, как белье в руках прачки.

Выйдя из госпиталя, мистер Олдридж некоторое время хранил молчание, затем сказал:

— А, быть может, под землею есть огонь...

Слишком взволнованный, чтобы сохранить свой обычный сарказм, г. Кутанс удивился, но не рассмеялся этим странным словам. Мистер Олдридж пояснил свою мысль:

— Нужда не бывает продолжительной там, где можно, благодаря углю или нефти, развести большой огонь и пустить в ход машины. Мы превращаем в пламя то, что извлекаем из земли: каменный уголь и нефть. Огонь—бог цивилизации. В эпоху каменного века судьба человеческой промышленности была заключена в залежах кремня, имевших для пещерных людей то же значение, какое теперь имеет железная руда и уголь. Оттуда извлекалось все необходимое оборудование. Мы, сожигатели угля и мазута, промышленники эпохи огромных топок, доменных и электрических печей, в столетиях столетий окажемся столь же жалкими, какими нам кажутся сейчас доисторические люди, вооруженные каменными ножами. Мы ищем каменный уголь на глубине самое большее 1000 метров. Быть может, на глубине 2000 мы

натолкнулись бы на огненную руду, имеющую большее значение, чем золотая? Человек умирает на этих неизвестных ему сокровищах. Если правда, что в центре земли температура белого каления, то все могущество механики должно быть использовано, чтобы закрепить ее за собою. Быть может, там имеются залежи огня, подобные залежам каменного угля и нефти? Пусть далеко не в каждой шахте, но ведь не везде находят и нефть, уголь и металлы. Огнискатели оказали бы человечеству большую услугу, чем золотоискатели. Вместо огромного труда по извлечению угля, превращаемого в пламя, последнее будет извлекаться непосредственно. Подумайте: пробуравив землю у нас под ногами на 2000 метров, можно было бы удовлетворить всю потребность Вены в топливе и двигательной силе. Имея в своем распоряжении теплоту и механическое движение, человек уже не может быть беден. Италия, где труд парализован недостатком угля, через несколько веков, быть может, окажется, благодаря Этне, Везувия и Стромболи, наиболее могущественной страной в мире. На Иския, цветущей и плодородной благодаря двойному влиянию солнечного и вулканического огня, я видел, как крестьянин варил пищу на фумароле, выходящей из земли. Сколько лошадиных сил и какое количество теплоты пропадают вследствие нашего невежества! Человеческая нужда будет уничтожена теми, кто научится черпать огонь из-под земли. Не обладая достаточными богатствами, мы увлекаемся мечтами о наиболее правильном их размещении. Мы сражаемся за интересы бедноты и на ряду

с этим пренебрегаем силами, могущими во сто крат увеличить богатства земли. Взгляните, сколько страданий пережило человечество из-за войны, в то время как оно еще не использовало ни волн, ни болот, ни ветра, ни подземного огня, ни водопадов, ни солнечных лучей, ни молнии. Настанет время, и охотники за молниями будут ловить их среди грозы, собирая в какую-нибудь долю секунды больше электрической энергии, чем вырабатывает ее в течение года целая станция. Для этого, быть может, было бы достаточно какого-нибудь видоизменения громоотвода. Изобретатели ветряной мельницы, с их непосредственным использованием сил природы, были ближе к конечной стадии цивилизации, чем мы с нашею, преобразующей эти силы, промышленностью. Разрушители, мы сжигаем уголь и нефть, вещества чрезвычайно ценные по своей сущности, ибо, может быть, в каменном угле заключена тайна лечения всех болезней человечества. Дымы фабрик и локомотивов, которыми мы гордимся, свидетельствуют не столько о нашем знании, сколько о нашем невежестве.

Я мечтаю обо всем этом потому, что испытываю страх перед человеческой нищетой.

* * *

Г. Зальцбах сказал г. Гейдриху:

— Если правительство пожелает продать Венскую Оперу, я ее покупаю. Старика Францу-Иосифу она стоила 4.000 крон ежедневно. Мне она

даст десять тысяч. Зрелище—единственный вид торговли, где не существует плохих плательщиков. Здесь не только не приходится выжидать учинения платежа по истечении 90 дней, но получаешь деньги еще до отпуска товара, каковым в данном случае является представление.

— Вам следует, — ответил г. Гейдрих, — поторопиться пойти в Оперу, чтобы оценить ее, прежде чем приобрести. Ибо в скором времени она, быть может, будет стоить не больше, чем драгоценные камни. Из-за недостатка электричества спектакли прекращаются.

В тот же вечер—последний, когда отпускаясь свет, г. Гейдрих взял ложу; граф Эрберн вошел в нее, держа в руках какой-то предмет, завернутый в тонкую белую бумагу, и спросил у г. Зальцбаха:

— Нашли ли вы свою золотую руду? Она, пожалуй, встречается еще реже, чем это.

Он вынул из шелковой бумаги зонтик, отделанный венецианскими кружевами, с резной ручкой из слоновой кости.

— Эту чудесную вещь, которой Мария Антуанетта укрывала от солнца свою красивую, обреченную на плаху головку, отдают за пятьдесят тысяч крон. Бедная женщина! Бедная королева! Одна из самых трогательных фигур нашей истории. Этот предмет она держала в своих руках.

— Надеюсь, — сказал г. Зальцбах, — что она ни когда ничего худшего не сделала. Но мне безразлично, принадлежала ли эта вещь королеве или какой-нибудь простой дуре. Докажите мне, что

это дошло от Бианки Кастильской, и я не прибавлю ни одного су. Нет ли у вас чего-нибудь, относящегося к нашей эпохе? Заниматься торговлей не хуже еврея и историей лучше Фридриха Масона—слишком большое искусство.

Граф Эрберн, возмущенный таким пренебрежением к его учености, решил, в свою очередь, посмеяться над г. Зальцбахом:

— Вы предпочли бы, чтобы я вам предложил машины для обработки золотой руды. Не оставите ли вы на мою долю несколько основных паев?

— Да, — сказал г. Зальцбах. — Потому что вы мне понадобитесь, — он сказал это с такою серьезностью, что граф Эрберн, в надежде на хороший заработок, прекратил насмешки.

Г. Гейдрих указал на слабо освещенный зал, где все места были заняты. Ряды голов на галлерее вырастали бледными кругами на фоне высокой тени.

— Здесь больше народу, чем во времена империи. Взгляните, сколько зрителей стоит за сидениями партера. Но ни одного шикарного туалета: ни камней, ни дорогих тканей. До войны зал сиял брильянтами и обнаженными плечами. Сегодня в нем светятся только глаза красивых женщин. Императорскую ложу не украшают ни придворные мундиры, ни принцессы в диадемах. Она уставлена креслами ценою в тридцать крон каждое.

— Хорошее дело, — подтвердил г. Зальцбах: — вместо того, чтобы вызывать расходы, она приносит доход. Если бы всегда сводили свои счета так же удачно, вам не пришлось бы экономить

электричество, что сильно мешает рассмотреть прелестную блондинку, уже дважды обернувшуюся в нашу сторону. Славная курочка.

— С красивыми зубами.

— Это ее собственные?

— Еще бы. Если они растут из десен, это дар божий. Если они у нее вставные, она за них заплатила.

Г. Гейдрих отозвался о ней более достойным образом:

— У нее остается лишь сияние ее красоты. Других сокровищ у нее уже нет.

— Она их продала,—сказал граф Эрберн,—или прячет. Если бы послушались меня, здесь можно было бы заработать много денег. Я знаком с графиней Койос. Она уже поручила мне продать прекрасный жемчуг и ятаган с рукоятью, украшенной рубинами; он был подарен Мюрату императором Наполеоном I, затем перешел в семейство генерала Дюфура, копия завещания которого имеется у графини Койос.

Он приблизился к краю ложи, чтобы отвесить графине глубокий и длительный поклон, на который она холодно ответила, и продолжал:

— Это совершенно достоверно. Оружие, собственноручно пожалованное вашим величайшим полководцем. Я не понимаю, как можете вы пренебрегать этими знаками вашей славы, в то время как итальянцы, едва вступив в Вену, забрали в Гофбурге все картины, имеющие отношение к их истории. Портреты во весь рост Марии Антуанетты и Людовика XIV все еще стоят в передней вашей репарационной комиссии.

Г. Зальдбах утешил этого историка:

— Я не хочу отговаривать вас от занятия коммерцией. У вас одно из тех прекрасных призваний, которые всегда следует поощрять, как однажды выразился барон Ротшильд во время прогулки по Франкфурту. Барон Поллак предупредил его: „Спрячь свой носовой платок, Ротшильд. Этот грязный жиденок, что идет за тобой по пятам, сейчас вытащит его“. Ротшильд ответил: „Не надо мешать людям, обладающим такими прекрасными наклонностями. Все мы начинаем с очень малого“.

Г. Кутанс отдыхал от ужасов госпиталя разглядывая женщин:

— Мало роскоши, но у многих прелестная кожа. Сзади корсаж менее открыт, чем у парижанок, обнажающих вместо груди спину. Зад теперь более в моде, чем грудь. Среди этих красивых особ некоторые сложены весьма мило.

— Они тем более хороши, что ты их никогда не видал и вторично не увидишь. Незнакомки всегда очаровательны. Именно поэтому мы и влюбляемся во время путешествия. Красота привлекает нас в городе, где мы пользуемся досугом. Любители женщин не слишком ценят англичанок. Предметом самого сильного увлечения моей жизни была лэди, с которой я обедал за одним столом в отеле „Савой“ в Лондоне 23 марта 1904 г. Я помню дату. Это важно. Я не рассмотрел в целом ее лица, скрытого от меня растениями, украшавшими залу. Качание пальмы позволяло мне видеть то лоб и глаза, то рот и подбородок. Я не видел ее носа. За этой шаловливой зеленью показывались рыже-

золотистые волосы, голубые зрачки, розовая кожа, освещенная брильянтами. Это было похоже на зарю в лесу. Я испытал головокружение и понял, что можно быть ослепленным женщиною, как солнцем. Но мне было очень скучно в тот день.

Г. Гейдрих одобрил этот энтузиазм:

— Это прекрасно—голова женщины.

— С внешней стороны,—заклучил г. Зальцбах.

— Венские женщины,—сказал граф Эрберн,—среди самых красивых женщин мира одни вооружены прелестями многих рас: у них можно найти удлиненные глаза азиаток, молочную кожу германок, смуглую—турчанок, волосы золотистые и гладкие, черные и вьющиеся. Дочери Дуная превосходят дочерей Рейна своим разнообразием. Они не представляют собою, подобно немкам, цельного типа, классического сочетания голубого, розового и золотого цветов с полными формами. Брюнетки Вены не поддаются столь легкому определению.

— Не сообщит ли он нам,—пробормотал г. Кутанс,—чего доброго, их адреса?

Мистер Олдридж стал восхвалять нравы Нового Света:

— Самые красивые женщины в мире—в Бостоне и в отеле „Континенталь“, улица Кастильоне, где останавливаются американки. Я говорю только о порядочных. В Америке женщина господствует над мужчиной, но ее не уважают, если ее связь стала известной. Во Франции мужчина господствует над женщиной, но он смешон, если она его обманывает. Мы не понимаем, в чем бесчестие рогоносца. Стыдиться должен тот, кто совершает преступление.

Г. Зальцбах высказал свою мысль о женщинах:

— Дела—это любовница, возбуждающая страсть.

Г. Кутанс сочинил пословицу:

— В доме рогоносца не следует говорить о любви.

Граф Эрберн, улыбаясь и делая грациозные жесты, ибо он уже не держал в руках маленького свертка, говорил с жаром о женской красоте:

— Тот не вор, кто крадет, чтобы нарядить любимую женщину. Какой бы поступок ни совершил мужчина, движимый любовью, даже воровство,—он делает самое прекрасное, на что способен, с тех пор, как рай для него потерян.

Богу следовало бы наказать людей не трудом, но неспособностью к любви. Это была бы более суровая кара. Но бог был слишком добр; или, может быть, его одурачили первые слезы женщины. Если бы вместо слов: „в поте лица твоего будешь ты есть хлеб свой“, он сказал: „ты будешь не способен на ласки, которым тебя научил сатана“, человечество было бы обречено сожалеть не о потерянном рае, а о потерянной любви. Это было бы много ужаснее.

— Еще бы,—сказал г. Зальцбах.—Он заставил нас создавать фабрики, но не отнял возможности пользоваться публичными домами.

— Слепой Мильтон ошибся. Рай не потерян. Мы вынуждены трудиться, но у нас остается возможность делать это ради женщины.

— И наоборот,—сказал г. Кутанс.

Граф Эрберн не сразу понял весь смысл, заключенный в этих двух словах. Он умолк, чтобы дать договорить г. Кутансу, но последний считал, что он вполне выразил свою мысль. Граф продолжал:

— Война разрушила мое состояние. Я занимаюсь коммерцией, потому что понимаю еще, что такое любовь; в противном случае, я бы согласился, как прочие, носить грязное белье и питаться вареной капустой. Это проклятые люди. Я знаком с обладателями редких коллекций, не имеющими мужества лично заняться их распродажей. Если бы им нужно было роскошно обставлять женщину, это придало бы им смелости.

— Царство небесное,—сказал г. Олдридж,—подобно купцу, ищущему красивых жемчужин.

Г. Кутанс прибавил:

— И мужчине, ищущему красивых женщин. Поскольку счастье заключается в возможности менять один вид опьянения на другой, мы были бы весьма несчастны, не будь у нас любви.

— И войны. В ней, как и в женщине, должно быть скрыто огромное очарование, если мужчина, уже столько раз ею обманутый и изнуренный, снова за нее берется.

— Скажите мне, кто изобрел войну,—взмолился г. Пшебыль,—и я задушу его.

Г. Гейдрих проявил больше мягкости:

— Женщины вносят в жизнь очарование и отвращение. Они достойны и коленопреклонения, и проклятия. Для них — вдохновляющих нас и одновременно превращающих нас в животных — создана поэзия, но для них же существует дубина; первые два инструмента, сооруженные мужчиной из жили и дерева — кнут и арфа — соответствуют их разнообразию.

Мистер Олдридж указал на превосходные цветы на одном из корсажей.

— Бог велик в созданных им розах и жалостлив в своем человеколюбии. Он был милосерд, не лишив человека возможности полюбить труд, данный ему в наказание. Рай состоит в том, чтобы любить труд, которым ты занят.

Г. Зальцбах высмеял эту сентенцию:

— Разумный человек живет трудом глупца. Глупец — своим собственным.

Г. Кутанс также высказал свое убеждение:

— Усталость, порождаемая трудом, доказывает, что человек не создан для него.

Г. Пшебыль спросил:

— Что такое усталость?

Г. Гейдрих обратился за сочувствием к г. Кутансу:

— Любите ли вы музыку?

— Обожаю ее так же, как Зальцбах, рассчитывающий свою прислугу, когда она чихает в си, а не в си-бемоль. Я не в состоянии слышать без слез марш из „Фауста“ и крик продавца зеленого гороха. Этот напев: „На буассо, на буассо!“¹⁾ так же прекрасен, как и „Бессмертная тень наших предков“.

Негодование партера обратилось против хохота, раздавшегося в ложе.

Французы умолкли. Заиграл оркестр. Толпа, сомкнувшаяся в сумраке залы, где внезапно погас свет, ревностно внимала в благоговейном молчании. Радость пения возникала на освещенной сцене. Ариадна предстала, лежа на скале; мощные и нежные, вибрировали голоса женщин. Медлительно, как бы возносимая музыкой, приподнялась Ариадна.

¹⁾ Мера сыпучих тел — около 13 литров.

— Мария Йерица, — сказал г. Гейдрих.

Певица, великолепная, как легендарная царица, своею красотой увеличивала сияние звездной сцены в глубине черного зала. Царственно-величественная, она отбрасывала от себя последний ответ этой слепительной роскоши: австрийского двора. От былого великолепия только и осталось, что эта блистательная блондинка, медленно простиравшая украшенные брильянтами руки, посылая ими волны света. По волосам ее пробегало золотое пламя.

Г. Гейдрих осмелился еле слышно проронить еще несколько слов:

— Когда она их распускает, играя Эльзу в „Лонгрине“, они касаются земли. Когда она поет, пять тысяч человек удерживают дыхание.

Богиня музыки, она была освящена поклонением толпы, замершей в сумраке, откуда не вырывалось ни единого вздоха. Все пламенно и жадно внимали ей.

Г. Кутанс, более склонный к удовольствию, доставляемому французам игривой речью, чем к радостям души, вызываемым музыкой, высоко ценил остроумных людей. Но эта немая толпа открывала ему то, что было за пределами слова. Веселая болтовня графа Эрберна, имевшая целью очаровать французов, казалась г. Кутансу жалкой, на ряду с молчанием г. Гейдриха, который сидел неподвижно, с закрытыми глазами, соединив руки и опершись на них лицом. Отбросив свой шутливый тон, г. Кутанс покорно слушал и в глубине души был очарован. Тоска, порождаемая музыкой, учащала его дыхание, точно так же, как это было

с ним, когда он испытывал тоску при виде нищеты. Его насмешливость была раздавлена благоговением толпы, и он во мраке понимал сущность света, горевшего в душе этих людей, — света, ослепительного для них, опускавших свои веки. Постигая, что такой экстаз, не путем размышлений о нем, но переживая его непосредственно, как прикосновение к роднику или как ожог, он подчинял свою волю какой-то власти, устранявшей из его души все злое. Находясь под влиянием таинственных духовных сил, пробужденных звуками, он был бы теперь неспособен повысить голос среди этой великой тишины. Сейчас, как и в госпитале, он чувствовал себя неспособным ни к ненависти, ни к мертвящему презрению. Образ, о котором он вспоминал так редко, что обычно он и не узнал бы его, возникал в нем: образ доброты.

Вся энергия г. Кутанса была побеждена какой-то любящей силой: ему оставалось только подчиниться усталости. Он был приятно утомлен. Последний такт оркестра взволновал тишину, прозвучал и замер над молитвенно-настроенной толпой. Еще одно краткое мгновение, когда слышно было, как воздух выходит у всех из груди — и вспыхнула овация, разросшаяся в огромный шум, производимый руками и устами, хлопаньем и криками. Сидевшие в партере ринулись к оркестру, вызывая пеницу, которая выталкивала на сцену Рихарда Штрауса, застенчиво уступавшего смелым жестам золотоволосой женщины.

Она улыбалась этому неистовству. Топающая ногами толпа поклонялась в звонком храме своему раненому божеству: Удовольствию.

— Вот, — сказал г. Гейдрих, — что прекратится завтра, из-за недостатка света, и, быть может, скоро исчезнет совершенно, ибо Вена при смерти. Сможем ли мы содержать Оперу при нашей нищете? Полагаете ли вы, что это не было бы ущербом для Европы, для целого мира, если бы погас такой светоч культуры, как тот, что вы только что лицезрели.

Французские и английские газеты ставят нам в вину, что мы, несмотря на голод, остаемся городом забав. У нас имеется здесь Мулен-Руж, Табаран, венский Монмартр, все виды вывезенных из Парижа и когда-то модных увеселений. Но над этими зрелищами, рассчитанными на иностранных кутил, возвышается, как достояние человечества, венская Опера.

Последние рукоплескания раздавались над пришедшей в упадок столицей, на темных улицах которой не было ни одного трамвая. Электрическая энергия иссякла. Изредка лишь слышался звук подков тощих лошадей. Нищета города великим океаном тьмы окружала этот роскошный островок сиявшей огнями Оперы. Г. Кутанс, выйдя за пределы освещенного пространства, потерял в темноте своих спутников. Человек, прислонившийся к столбу, попросил милостыню. Свет вестибюля вырисовывал его на экране ночи. Во мраке позади него подымались призраки. Прямая противоположность Опере, где золотоволосая певица царила среди оваций, он являл собою образ живого человека, опустившегося до уровня истлевшего трупа. Ариадна, царственная и очаровательная в благородной атмосфере музыки, по сравнению

с ним казалась существом высшего порядка. Они отличались друг от друга больше, чем день и ночь, сияние и мрак, уродство и красота, ибо они были Роскошью и Нищетою. Бледный мужчина со впалыми, обросшими жидкой растительностью щеками, держал на худых руках ребенка с позеленевшим лицом, уши и нос которого покраснели от злобных шипков ветра, весело расцветившего это страдание. Нищий, прижимая к груди изнуренного малыша, был в состоянии выдержать это ничтожное бремя, лишь крепко прислонясь к столбу и прильнув к нему плашмя, подобно афише, наклеенной над ним и возвещавшей:

ARIADNE AUF NAXOS
BEI R. STRAUSS
PRIMADONNA FRAU MARIE JERITZA.

Нищий наклонился к ребенку, который открыл рот, опустив углы губ; гримаса молчаливого рыдания. У него уже не было силы плакать. Он не желал утешаться шумным проявлением своего горя. В человеческом страдании он был по ту сторону слез. Кусок хлеба, который дети, играя, кидают лебедям на улыбающуюся поверхность бассейна, был бы для него раем. Суровость обоих лиц приняла размеры катаклизма. За этими двумя страшными ликами царствовал мрак и исполинская нищета. Их безмолвие было значительнее безмолвия толпы зрителей, удерживавших дыхание при последних нотах песни Ариадны.

Г. Зальцбах взял за руку г. Кутанса:

— Можно было подумать, что ты немного раскис, глядя на эту певицу. В театре было несколько

мужчин хорошо одетых. Граф Эрберн прав. Венские закройщики—лучшие в мире. Лондонским—посчастливилось одевать спортсменов. На этом им легко составить себе хорошую репутацию. Здесь же закройщики делают элегантным даже пузатого.

Его манией было пробовать всех портных: он желал, чтобы они умили его толщину, толщину человека, ведущего малоподвижный образ жизни. Граф Эрберн сообщил ему адрес своего портного и посоветовал ходить побольше пешком.

— Я недостаточно богат,—сказал г. Зальцбах,—или недостаточно беден, чтобы найти время для прогулок. Я осужден на автомобиль. Терять время могут лишь те, у кого очень большое состояние, или те, кто отказались от богатства. Человек свободен, либо имея много денег, либо ничего не имея. У меня есть деньги. Но меньше, чем у других. У меня нет времени ходить пешком.

Его парижские собраты называли его человеком солидным, имея в виду и его телосложение, и размеры его предприятий, а г. Кутанса называли полусолидным.

Ни массажами, ни искусственной испариной г. Зальцбах не мог на долгое время достичь худобы. Его жир таял только от забот денежного характера. Он худел одновременно со своим счетом в банке и толстел на ряду с ним. Денежные радости возбуждали в нем хороший аппетит.

Он взял под руку графа Эрберна:

— Вы только что сказали, что когда господь сильными пинками вышвырнул человека за врата земного рая, он был настолько добр, что оставил ему венок...

* * *

— Тебя считают сумасшедшим,—сказал г. Кутанс г. Зальцбаху,—когда ты говоришь о золотой руде в Вене. Я начинаю тебя понимать.

— И г. Фрейденберг тоже,—ответил г. Зальцбах.—Мы здесь в стране первых дипломатов в мире. Они стали слабее с 1914 года. Но государство имело у себя на службе таких же плохих дипломатов, как и наши, лишь потому, что хорошие остались в коммерции. Фрейденберг был достаточно ловок, чтобы утаить от меня свое богатство. Пойдем к нему объясняться.

— Г. коммерции советник,—сказал он ему,—я боюсь, нет ли ошибки в сообщенных вами цифрах заработной платы. Они слишком низки.

— Какую цель преследовали вы,—продолжал г. Зальцбах,—показывая, что вы нуждаетесь в деньгах больше, чем на самом деле? У вас есть счет в County Council в Лондоне; в Guaranty Trust в Нью-Йорке; в Banque d'Alsace et de Lorraine в Париже; в Banca di Sconto в Триесте; у вас есть фунты, доллары, франки и лиры. Почему же, вместо того, чтобы с гордостью указать на свое богатство, вы предпочли искусно уверить меня в своей бедности и сообщили мне слишком низкую расценку заработной платы на ваших фабриках?

Эта откровенность несколько не смутила г. Фрейденберга.

— Я dokonчу за вас вашу мысль. Вы желали захватить мое производство и, как вы выражаетесь по-французски, водить меня за нос. Приобрести предприятие вам казалось неосторожностью. Вы прекрасно видели, что больше смысла купить труд. Извлекая в течение двух лет прибыль из моих

фабрик, вы нажили бы деньги, необходимые для их оплаты. Продолжая, при поддержке ваших капиталов, заведывать своими фабриками, я нес бы на себе весь труд, плоды которого поставили бы меня в зависимость от вас, а в результате договора товарищества, где ваша доля участника быстро превысила бы мою, я оказался бы вашим рабом.

По тому, как поклонился г. Зальцбах, было видно, с каким уважением он относится к этому проникательному человеку. Они обменялись любезными взглядами, каждый ожидая от другого неосторожного слова.

Г. Кутане примирил их.

— Если люди так хорошо понимают друг друга, это значит, они созданы для совместной деятельности.

— С большим удовольствием, — промолвил г. Фрейденберг.

Но г. Зальцбах согласился не так скоро:

— Вы предвидели, что я буду соблазнен недостатком у вас капитала и низкими размерами вашей заработной платы и, преуменьшая их, думали затянуть меня поглубже в дело. К чему вы стремились?

— К тому, чего мы с вами уже достигли. К совместной работе в наших взаимных интересах, а не друг против друга. Я отлично вижу направление вашей грядущей деятельности, если не все ее детали. Осуществим это сообща. Захватим производство других. Я могу это сделать без вас, вы же без меня — не в состоянии. Мне легче разместить свои капиталы или достать, сколько мне не

хватит, чем вам найти хороших компаньонов среди австрийских и чешских промышленников.

— Я счастлив, — сказал г. Зальцбах, — что встретил такого знающего человека. Покажите мне ваши договоры с рабочими, и мы подпишем с вами соглашение. Я основываю Трудовой и Товарный Банк; нашим капиталом будет фонд, подлежащий, в качестве сырого материала, обработке в странах низкой заработной платы: Австрии, Чехо-Словакии, Польше. Слабые размеры угольного транспорта, недостаток движущей силы, с одной стороны, и большое количество стачек, с другой, в целом мире в течение многих лет будут вызывать рост цен.

Мы останавливаем свой выбор на материалах, требующих много труда для обработки, и перебрасываем это сырье туда, где дешевле рабочая сила.

Люди бегут из Вены, говоря: это величайшая в мире нищета. Именно поэтому я являюсь сюда и хочу проделать здесь чудеса. Нищета — золото. Огромное количество рук здесь бездействует. Имея в своем распоряжении сырье, которым я могу занять 25.000 женщин по 40 крон в день, я сберегаю еженедельно 18 миллионов на разнице заработной платы по сравнению с Францией, где минимальная ставка — 12 франков за восьмичасовой рабочий день.

Они уже с большим доверием обменялись подробными сведениями и обещаниями и распространились.

Возвратиться в отель „Захер“ г. Зальцбах предпочел не на машине, а пешком; он привык, чтобы вокруг него расступались, ибо часто упирался

кулаками в бедра и, широко расставляя локти, занимал место двух человек.

— Мы только что совершили, — сказал он, — достаточно удачный шаг в деле собственного обогащения, и потому можем позволить себе немного попотеть на получасовой прогулке.

Г. Кутанс хотел рассказать ему об ужасающей худобе, какую ему пришлось наблюдать. В течение часа он чувствовал необходимость сообщить г. Зальцбаху нечто важное, но не находил соответствующих выражений. В поисках нужных слов, как и во время спора между гг. Зальцбахом и Фрейденбергом, он сохранял молчание, ибо противоречие между коммерцией и человеколюбием, продолжавшее жить в нем, беспокоило его не меньше, чем успех их предпринятия.

Г. Зальцбах торжествовал:

— Фрейденберг не был настолько глуп, чтобы счесть меня сумасшедшим. Эта страна имеет для продажи свою нищету. В нищете ее богатство. Мы эту нищету купим. Понимаешь ли ты теперь, что за золотая руда в Вене? Это — рабочие, столь же искусные, как и парижские: сафьянщики, золотых и серебряных дел мастера. Остановимся у лавок на Картнерштрассе. Магазины готового белья свидетельствуют о шике города. Я закажу себе сорочки здесь. Это будет почти даром. Людская нищета — золотая руда.

Г. Кутанс нашел, наконец, мысль, которая соответствовала его интересам и тому, что его волновало.

— Почему ты так стремишься нажить деньги на рабочем, а не на покупателе? Последний никогда

не заплатит слишком дорого. Не обрезай капустных листьев, которыми питается венский бедняк.

— Я достаточно заработаю на нем, — сказал г. Зальцбах, — чтобы дать ему мяса.

Я не желаю губить наше дело, слишком сильно спекулируя на повышении продажных цен. Вот уже четыре года, как любой пачкун может заниматься коммерцией, ибо то, что было куплено сегодня, завтра будет продано дороже. Этот порядок изменится к несчастью тех, кто не сумеет взяться за дело глубже и найти производственную экономию. Начало крупных французских состояний заключается в низкой заработной плате. Какой бы договор г. Фрейденберг ни заключил со своими коллегами, он не помешает им получить прибыль. Они понизят, насколько сумеют, оплату рабочего. Не беспокойся о них.

— Я беспокоюсь не о них, а о рабочих.

— В таком случае, — сказал г. Зальцбах, — ты становишься социалистом... Что твое — мое и что мое — мое? Мое состояние было бы значительнее, если бы я был родом из семьи торговцев неграми, рабовладельцев, вместо того, чтобы начать свою деятельность скромным продавцом товаров и валюты.

Все хозяева в мире отыскивают рабочих там, где последние нуждаются и где их много. Я не изобретаю ничего преступного, действуя, как другие. Но я освобождаюсь от французского рабочего, стоящего слишком дорого...

Г. Кутанс, человек черствый в делах, но в данный момент взволнованный нищетою, все еще испытывал в себе противоречие торговли и человеко-

любия. Он совмещал в своей душе Христа, и торговца в храме. Он мог бы стать святым, не будь он владельцем коммерческого предприятия—27, улица Лафайетт, Париж.

Г. Зальцбах видел все удовольствие лишь в могуществе, доставляемом богатством. Отказавшись от любви и от политики, он признавал только деньги.

Все его мысли были направлены на разницу двух сумм: покупной и продажной цены. В этом отношении он не допускал никаких отступлений. Даже сон не останавливал в его голове деловых расчетов. Его сновидения были полны арифметики. Он искал денег, как хищный зверь ищет мяса, но мощно овладевать ими было для него скорее утешою, чем трудом. Таким образом он никогда не уставал. Он любил детей и, подобно им, не знал жалости. Не будучи ни обжорой, ни пьяницей, не обладая порочными наклонностями, он вел жизнь гораздо более добродетельную, нежели многие порядочные люди. Мало чувственный, несмотря на свое еврейское происхождение, он посещал женщин так же, как и садился за стол: по необходимости.

Весь отдавшись Барышу, отнюдь не Ненависти, он прощал обиды, но ни единого долга. Величайшим преступником в его глазах был не убийца, а несостоятельный должник. Шейлок, потребовавший в уплату долга фунт человеческого мяса, казался ему скорее тупоумным, чем страшным. Заставить людей платить кровью, не имеющей рыночной ценности, было с его точки зрения коммерческой глупостью. Он, Зальцбах, желал извлекать из людей не страдание, а богатство.

К должнику находившемуся от него в полной зависимости, у него было нечто в роде уважения, какое питает охотник к зверю. Люди, которым он причинил материальный ущерб, были ему симпатичны.

Для него все было товаром.

Он говаривал:

— Люди умеют обрабатывать землю, я же умею обрабатывать деньги.

Этот неумолимый человек страдал лишь одним пороком: балатурством.

* * *

Г. Эрнст Поппишль привел с собой г. Пьетро Баби, представителя фирмы Капеллино и Тордо в Милане, приобретшего известность тем, что заработал в Вене в течение месяца после заключения перемирия тридцать миллионов на разных делах: направляя в Триест иголки по цене 1 крона 95 геллеров за тысячу, с тем, чтобы их перепродать в Рио-де-Жанейро в 25—50 раз дороже против покупной цены; немецкий коньяк, приобретенный по 8½ крон, перепродавая, под видом французского, в 9 раз дороже против первоначальной цены.

Граф Эрберн предложил этому итальянцу с бритым лицом саблю Мюрата с рукоятью, украшенной рубинами. Г. Пьетро Баби похвалил ее:

— Какая чудесная вещь. Я закупили бы вагоны таких сабель. Вы предлагаете взять ее на комиссию, или продаете мне по твердой цене? Я бы предпочел разделить между нами куртаж. Я жду

ордера, прежде чем начать работать в этом направлении. *Passato il pericolo, gabbato il santo* 1).

— Мы объединены, — сказал г. Зальцбах, — благим начинанием; я хочу сказать — выгодным для каждого участника. Если я покупаю саблю графини Койос, я стараюсь приобрести предмет возможно дешевле, ибо эта дама, полагаю, не фабрикантка. С ней мне не придется больше сталкиваться. Напротив, компаньоны вынуждены встречаться часто. Если они друг другом недовольны, они устают от личных столкновений, и от этого страдает дело. Я хочу, чтобы вы все были довольны друг другом. Г. Эрнст Попишиль, г. Пшебыль, г. Гейдрих, г. Пьетро Баби, мистер Олдридж, вы вместе с г. Кутансом и мною образуете правление Трудового и Товарного Банка, председателем коего буду я, а уполномоченным администратором — Иоганн Фрейденберг.

Г. Баби сказал:

— *Che bella combinazione!* 2)

И мистер Олдридж:

— Я готов взять на себя заботу о поддержании сношений между вами и фирмой Малькольм и К^о, доставляя вам сырье для переработки. Мы начнем с тканей и кожи. Условия, на которых мы будем распределять работу, могут увеличить разруху. Будем ли мы удерживать рабочую силу на том низком уровне, на каком она сейчас находится, или же, вызывая к жизни труд в целях извлечения из него прибыли, мы поставим себе целью

1) Прошла опасность, наплевать на святого (итальянская поговорка).

2) Какая прекрасная комбинация!

поддерживать его? Желает ли мы поставить этот народ на ноги, или же извлекать выгоды из его умирания?

У г. Зальцбаха нервно дрогнула верхняя губа. По его лицу было видно, как он недоволен, что ему приходится терять больше времени, чем он считает необходимым. Он ответил с такой силой в голосе, какой за ним еще не знали. Все с удовлетворением увидели, что он способен на гнев, — с удовлетворением потому, что почувствовали себя сильнее, узнав, что и у него есть слабости.

— Мы не можем, — сказал он, — начинать наше дело с жалости. Мы должны преуспеть, или окажемся глупцами, хуже того: плутами. Наше достоинство коммерсантов в том, чтобы заработать деньги. Каждый из нас в своей частной жизни может заниматься благотворительностью за счет прибылей, которые получит от нашего общества, но Трудовой и Товарный Банк не является филантропическим предприятием.

Г. Фрейденберг произнес свою вступительную речь уполномоченного администратора с большим спокойствием.

— Если Австрия погибнет, мы разоримся: вы — поместив в ней свои капиталы, я — оставив в ней свои. Мистер Олдридж прав, полагая, что предприятие, основывающееся на эксплуатации труда, должно поддерживать силы рабочих, ибо, истощая их, оно истощает себя, но г. Зальцбах справедливо указал, что оно не вправе осуществлять эту задачу за счет своих прибылей, ибо оно исчезло бы и, вместе с ним, те выгоды, какие могли бы из него извлечь рабочие.

Я использую все свое влияние, чтобы помочь мистеру Олдриджу подписать с австрийским правительством договоры о снабжении продовольствием. Малькольм и К^о заключит их при посредстве нашего Банка.

Он разорвал кипу образчиков.

— Вот, примерно, какие здесь можно изготавливать изделия: детские костюмы, платья для девочек, рабочие брюки из бумажной ткани, по сто крон штука; это сегодня составляет 4 франка 50 сантимов; это меньше, чем во Франции стоят одни лишь пуговицы, нитки и шитье. Работницы, шившие это, получили по 3 су.

— Этот товар, — сказал г. Зальцбах, — черный хлеб текстильной промышленности.

Сожалеея, что своим раздражением он дал повод г. Фрейденбергу проявить свои дипломатические способности, он попросил всех к столу.

Г. коммерции советник продолжал доказывать:

— Мы не так нищи, как это думает, на основании внешнего вида населения, мистер Олдридж. Почва у нас богатая. Ни одна железная руда в мире не имеет такого содержания металла, как в Штирии: 62%. Наши водопады, наши леса, оборудование нашей текстильной промышленности — крупные богатства. Вена, столица империи, хранит в себе старые организаторские таланты, которые не могут без подготовки возникнуть где-нибудь в ином месте.

Прага, обуреваемая желанием реванша, сосредоточивает в себе силу труда и верит, что она своим трудолюбием одержит над нами верх. Этого недостаточно. Вена сохранит социальные основы своего

бытия — банки. В Праге будут лишь филиальные отделения. Прага не умеет очаровывать. Торговля и веселье идут рука об руку. Деловой человек ищет удовольствия. Веселящийся Париж стал наиболее коммерческим городом Франции.

Итальянец Баби проделывал какое-то странное движение правой рукой, как бы благословляя им мертвеца. Г. Пшебыль поставил на стол свой стакан, наполненный портвейном Франца-Иосифа I, и с силою произнес:

— Мы, люди Праги, работали на Австрию. Мы и пожнем теперь плоды. Столица будет там, где труд.

При виде этого человека, бросившего есть и пить, чтобы утвердить нечто иное, чем свою личную выгоду, г. Зальцбах понял, какую ошибку допустил г. Фрейденберг, слишком горделиво провозвещая славу Вены, что вызвало со стороны г. Пшебыля еще более энергичный отпор:

— Австрия околела.

Среди косых взглядов и сердитого ворчанья, г. Кутанс посоветовал г. Зальцбаху:

— Пролей масла; слышишь, какой скрежет поднялся между чехом, венгром, итальянцем и австрийцами.

— Вена, — продолжал г. Фрейденберг, — подобно Парижу, является центральным железнодорожным узлом. Она — столица, в силу своего географического положения. Столицы всегда основывались на мировых перекрестках. Вена расположена на тысячелетнем пути великих нашествий, паломничеств, римских почтовых сношений, торговли и караванов. Долина Дуная и штирийские Альпы, в смысле

топографическом, возносят ее на царственную высоту. Отвести в сторону направление торговли не легче, чем течение большой реки. Вена останется столицей коммерческой и банковской. Ее нищета будет для всех окружающих ее стран столь же заразительна, как раньше заразительным было ее богатство. Мы можем друг друга ненавидеть, но нам суждено либо работать вместе, либо вместе погибнуть.

Мы не вполне ответственны за нашу теперешнюю нищету, ибо мы первые предложили мир. Если бы Франция вяла нам, это было бы лучше не только для нас, но и для всего человечества.

Г. Пшебыль, которому гнев придавал большую искренность, позволявшую ему говорить с бешенством, уже не стеснясь, скреб ногтями свое тело, обнаруживая в одно и то же время болезнь своего характера и своей кожи.

— Вы теперь живете, — сказал он г. Фрейденбергу, — мирским подаяннем. На вас собирают в церквах. Американцы, голландцы посылают сгущенное молоко вашим детям. Вы погибаете, ибо мы свободны и не желаем больше на вас работать.

Итальянец сделал еще раз крылатый жест правой рукою:

— Если нынешняя смертность будет продолжаться и впредь, то в течение пятнадцати лет мы превратимся в город с пятьюдесятью тысячами жителей. Карфаген тоже был географическим местом цивилизации, и Вавилон, и ряд городов, от которых не осталось и камня.

Когда был подан десерт, г. Гейдрих высказал сожаление, что напрасно не пригласили Митци

Вальбаум, Элли Гольдберг, Эльзу Соможи, которые так хорошо танцевали. Он вышел, чтобы позвонить им по телефону.

— Мы всегда будем иметь, — сказал г. Фрейденберг, — друзей, поскольку наша нищета покажется им выгодной. И, быть может, они нас спасут. Вавилон и Карфаген погибли не одни; с ними погибли вся вавилонская и карфагенская цивилизации. С Веной погибнет цивилизация дунайская.

— А сколько людей, — спросил г. Пшебыль, — думают таким же образом?

Г. Баби ответил:

— Три дюжины человек.

Г. Пшебыль прибавил:

— И четыре дюжины дураков.

Мистер Олдридж согласился с г. Фрейденбергом.

— Мы проживем без Вены, — сказал чех Пшебыль, — ибо она жила нами. Она падает, предоставленная самой себе. Нет никакой необходимости ненавидеть ее и бороться с ней. Нашего безразличия и нашей свободы достаточно, чтобы она окалась выпотрошенной. У нее власть коммерческая и административная, у нас — труд. Венцы были музыкантами, парикмахерами, кучерами, лакеями в кафе. Будучи способны только к торговле, они шли в лавки, а не в мастерские. Мы занимались промышленностью. Главенство Вены достигалось женщинами и музыкой. Магьяры, поляки, чехи приезжали сюда повеселиться. Мы оставим Вене эту специальность. Мы предпочитаем иметь фабрики, а не бордели.

Этот человек, утверждая во всеуслышание превосходство своей страны, делал это с большей

энергией, нежели когда пререкался из-за денег, отстаивая свои личные интересы.

Г. Эрнст Попишиль подсмеивался над ним, напевая испанскую песенку:

— Yo hé un amigo que le gusta la Manzanilla ¹⁾.

Мистер Олдридж вполголоса прорыдал покаянный гимн Армии Спасения:

— We shall drink never more,
never more, never more,
We shall drink never more ²⁾...

затем острым голосом прибавил, уничтожая смысл предыдущего:

. . . Water ³⁾.

— Это мило,—сказал г. Гейдрих, повторив плаксивую и насмешливую песню.

Стесненный вниманием, какое вызывала к себе его ярость, чех, слишком взволнованный, чтобы сохранять молчание, тихо говорил итальянцу Баби:

— Вена—нищенка. Пусть же будет она прислугой, как все старые нищенки. Она всегда нас презирала и обкрадывала. Подушное обложение в Тироле составляло 1 крону 75 геллеров, а в Чехии—16 крон. В течение веков она питалась нашим трудом. Но время мести настало. Наша пропаганда в польских и юго-славийских полках расша-

¹⁾ У меня есть друг, который любит Мансанилью (вино).

²⁾ Мы не будем пить никогда,
Больше никогда, никогда,
Мы не будем пить никогда.

³⁾ ... воду.

тала императорскую армию; затем чешские полки открыли для вас брешь и дали вам возможность захватить в беспорядке миллион четыреста тысяч человек. Наши рабочие на заводах Скода сообщали Франции сведения о производстве. Очередным лозунгом было: все против Габсбургов.

И перебили же австрийцы нашу молодежь!

Он сделал жест,—сначала, как будто колол штыком, затем—как будто хватал за горло:

— Но они не повергли нас в отчаяние. Всегда находились эмиссары, отправлявшиеся в Швейцарию, чтобы переговорить с нашим отцом Массариком.

Из Вены будет извлечено все, что можно из нее извлечь, и затем ее оставят околевать.

Чтобы ничто не мешало говорить о ненависти, чех перестал есть, но продолжал пить. Его глотка, сжимавшаяся от бешенства, отказывалась принимать пищу и поглощала только вино.

Петро Баби налил ему стакан и сказал вполголоса:

— Не следует желать им смерти,—ведь мы работаем вместе с ними.

Г. Зальцбах, держа в руках фартук из бумажной ткани, принесенный г. Фрейденбергом, нашел в этом предлог к смягчению разговора:

— Этот фартук пригодился бы в день, когда господь пожелал узнать, какая из религий внушает своим последователям больше мужества. Господь выстроил в ряд иудея, католика, протестанта и вызвал молнию, извержение Везувия и землетрясение. Католик добежал до Рима, протестант до Женева, иудей не тронулся с места:

„Самуил“, сказал господь, „ты самый храбрый. Ты не сделал ни одного шага по направлению к Иерусалиму. Мне нужно тебя вознаградить. Чего бы ты хотел?“

Самуил ответил:

„Переменить штаны, господи!“

Граф Эрберн сказал любезно:

— Очарование Будапешта сильнее прелести Праги. Мы, венгры, работаем столько же, сколько и чехи, наши музыканты не хуже венцев. Мы могли бы стоять во главе великого народа, ибо мы были союзниками Австрии в деле управления империей.

Для Вены лучше быть завоеванной, чем погибнуть. Наша армия сделает из Вены столицу Венгрии-Австрии. Таким образом, город снова обретет свое историческое назначение, а мы, венгры, — заслуженное нами место, ибо мы народ мужественный. Мы возвратим себе Пресбург, Пошоны, мадьярский Страсбург, который достался чехам не в силу доблести их оружия, а в награду за их низкопоклонничество перед Францией и Англией.

Чех Пшебыль, беснуясь от чесотки и национализма, ерзал, как безумный, весь покраснев от желания разразиться наглыми словами, но г. Зальцбах опередил его:

— Венгры думают о войне. Граф Эрберн, вы говорите о ней так, как будто вы имели удовольствие принимать в ней участие.

— Гусарским капитаном, — сказал граф Эрберн. — Вначале была лошадь, потом явился кавалерийский офицер. Потом ничего не стало, ничего, ничего. Затем появились: корова, коза, свинья. Потом

ничего не стало, ничего, ничего. Затем появился пехотный офицер.

— Благодарю вас за любезность, — ответил г. Кутанс, в свое время служивший в сорок третьем линейном.

И г. Зальцбах:

— Как капитан, вы, быть может, знаете, о чем вы говорите. Если чехи и венгры будут драться друг с другом из-за Пресбурга и Вены, наше дело сильно пострадает от этого. Лучше одерживать верх при помощи прелестей культуры, как говорит г. Фрейденберг. Какой из трех городов наиболее очарователен: Вена, Прага или Будапешт?

Он считал необходимым успокоить этот спор, начатый г. Фрейденбергом, теперь молча присутствовавшим при язвительном обмене мнений между представителями Венгрии, Чехии и Италии. Г. Кутанс, которому наскучили эти политические страсти, где уже не было ничего, что имело бы отношение к коммерции, сказал:

— Самые лучшие публичные дома на свете — в Будапеште.

Мистер Олдридж не согласился:

— Самые лучшие — в Париже.

Г. Пшебыль, на левой руке которого покоилась рука г. Пьетро Баби, удерживавшего его таким образом в сидячем положении, сказал не повышая тона:

— Мы обладаем моральной силой, какой у империи не было никогда. В течение трехсот лет она держала нас в зависимости исключительно путем материального господства. Мы никогда не любили Австрик, никогда не верили в нее. Только благодаря тому, что мы находились в ожидании восста-

ния, мы под властью империи были народом, обла-
давшим сильной душою.

— Говоря по правде,—согласился граф Эрберн,—
Чехия при Габсбургах была тюрьмой. Империя
не выбирала из среды чехов своих сановников и
высших должностных лиц. Привычка сгибать спину
у вас останется надолго.

Рука г. Пьетро Баби, как бы ласкавшая левую
руку г. Пшебыля, стиснула ее, — легкое сочув-
ственное пожатие, достаточное, чтобы дать волю
бешенству, клокотавшему в чехе. Он захохотал во
всю глотку, обнаружив ряд крепких зубов с двумя
черными пнями; его указательный палец, нап-
равленный на графа Эрберна, обозначал, что этот
оскорбительный смех относился именно к нему.

Граф, привстав, громко сказал:

— Вы — причина гибели империи. Вы предали
армию. За это преступление вы будете наказаны
в день, когда мы сможем свободно распоряжаться
своими силами. Вы дерзки лишь благодаря под-
держке Англии и Франции. Без них, лицом к лицу с
нами, вы падете ниц при первом взмахе нашей сабли.

Он сделал паузу, как будто собирался сказать
ему нечто еще более торжественное; но в резуль-
тате он просто назвал его свиньей!

Г. Пшебыль, в свою очередь, обозвал вонючкой
этого мужчину, который распространял вокруг
себя запах одеколона. Запустив в него стаканом,
г. Пшебыль разбил еще два, когда нагнулся, что-
бы схватить какой-нибудь предмет потяжелее. Ми-
стер Олдридж пытался усадить буяна, так как
г. Баби отошел от него, чтобы предоставить боль-
ше свободы его прискорбным жестам.

Скоро появился метр д'отель, привыкший к му-
зыке стекла, разбиваемого в этом роскошном по-
мещении, но его важной фигуры во фраке было
недостаточно для спасения посуды; этому больше
помогло появление Митци Вальбаум и Элли Гольд-
берг, вошедших с розовыми от холода лицами под
черными вуалетками.

Они приближались, как бы выступая против гру-
бости мужчин, в страшном вооружении своей спо-
койной красоты. Алые луки их уст метали улыбки.

Мистер Олдридж приветствовал их:

— Ich küsse die Hand! ¹⁾

— Всего лишь руку? — сказал г. Кутанс. — Это
невежливо. Вы пришли без промедления, несмотря
на то, что вот уже три дня, как никто из нас не
навестил вас. У вас характер лучше, чем у этих
господ. А Эльза Соможи?

Г. Попишиль, с лицом турка, переменившего
феску на европейскую шляпу, и с замашками
интернационального грабителя, приветствовал их
по-испански:

— A los pies de Usted. Heck? ²⁾

Говоря о вине или о женщинах, он пользовался
названием собственного изобретения и, обращаясь
к ним, называл их то Nina, то Darling; то Cata-
mia, то Ma gosse. О знал песни о хересе на языке
андалузских цыган и о водке на итальянском:

• Tu sei un poco troppo piccola
per fare l'amore con me ³⁾.

¹⁾ Целую руку.

²⁾ К услугам вашей милости.

³⁾ Ты слишком мала, чтобы делить со мной любовь.

и на пуританском английском — длиннейшие любовные истории, которые он начинал так:

— The best is not too good for me ¹⁾, ибо, как он объяснял впоследствии, этих услуг он требовал всегда от хозяйки. Он заключал:

— I am not fishing for compliments. Heck! ²⁾

Граф Эрберн, держа левую руку на груди, в весьма учтивой позе, скрывавшей винное пятно на его пластроне, наклонился к Митци Вальбаум, голубые глаза которой улыбались при виде лакомств. Г. Зальцбах воздал должное г. Гейдриху:

— Вы во-время предусмотрели, что дамы окажутся полезными. Вам знаком дух народов бывшей империи.

Я не дрался уж со времен Бразилии, где в Игане была фонда, содержимая дамами, из коих одна как-то вечером сидела у меня на коленях. Вдруг послышался конский топот; женщина узнала всадника по аллюру и сказала мне: „Берегись, приехал мужчина, влюбленный в меня“.

На нем были сомбреро и шпory гаучоса, и он хотел унижить меня, заставив пить из его стакана; мы разбили стакан и, попутно, немного друг другу физиономию. Женщины весьма отважно вцепились в грубияна ногтями, выставили его за дверь и заперли решетку, затем стали ухаживать за мной, называя меня: „Chiquillo“ ³⁾, ибо я был молод. Но это счастье длилось недолго. За решеткой блеснули черные глаза пришедшего в ярость муж-

¹⁾ Лучшая не слишком хороша для меня.

²⁾ Я не ищу комплиментов.

³⁾ Крошка.

чины и красное пламя шести выстрелов; одна из женщин закричала: „La tengo, la navaja!“ ¹⁾ и кинулась туда с ножом. Другая дала мне в руки револьвер; но мужчина подозвал свою лошадь, как собаку. В тех краях лошадей не привязывают: они повинуются голосу хозяина.

На следующий день утром, когда я еще не вышел из дому и лежал на спине, из предосторожности лицом кверху, мне подали визитную карточку сеньора: Gonzales Chiquente y Mato.

Он вошел в черном сюртуке и шляпе, как будто собирался хоронить меня. Это был мой превосходный всадник, крупный собственник, пришедший извиниться в том, что накануне он был невежлив по отношению к иностранцу.

После этого дорожного рассказа г. Зальцбах снова начал свои грубые шутки:

— Скажите, что подумал бы еврей, съеденный свиньей?

Мужчины, умиротворенные улыбкой женщин, приводили в порядок галстуки, в которые были вколоты дорогие жемчужины.

* * *

Г. Гейдрих, весь уйдя в музыку, не оторвал рук от клавиатуры и лишь кивком головы попрощался с г. Кутансом и мистером Олдриджем, увозившими с собою г. Пшебыля.

Г. Кутанс заметил, что это весьма неудобно — жить в Шенбрунне:

¹⁾ Наваха при мне.

— Я посоветую m-lle Эльзе Соможи поселиться в Вене.

— Свободные помещения,—сказал мистер Олдридж,—здесь редки.

Пойдемте, посмотрите квартиру, предоставленную мне бесплатно, поскольку меня считают защитой от революции.

Кучер, собиравший по зерну овес, просыпавшийся из гарнца его тощей лошади, предложил довести их. Они отказались, но подали милостыню двум бледным ребятишкам, расположившимся на извозничьей стоянке в расчете на жалость людей, достаточно богатых, чтобы ездить в наемной карете. Кучер стегнул кнутом маленьких счастливых, стараясь попасть по их босым ногам, чтобы сделать больнее.

Он кричал, что они позорят стоянку и отбивают от нее клиентуру, он размахивал над жалобно-молящими детьми рукою в отрепьях, но ею быстро завладел г. Пшебыль.

Мистер Олдридж поздравил его:

— You are a man ¹⁾).

Затем освободил от г. Пшебыля жалкого истязателя голодных детей, заметив:

— В нем много ненависти, ибо он сильно нуждается.

Мистер Олдридж остановился перед одной из дверей на Шварценбергштрассе, где на его приглашение войти—за ним последовал только г. Кутанс. Чех покинул их раньше, желая остаться наедине со своим дурным настроением.

¹⁾ Вы — настоящий мужчина.

Между ножками венской мебели, изобиловавшей кривыми линиями и отсвечивавшей позолотой, и краями пушистых шерстяных ковров, ласкавших глаз нежными тонами, виднелся тонкой выделки паркет в черных и белых ромбах.

Г. Кутанс, усаживаясь в глубокое, обитое красной кожей, кресло, заявил, что тыл его обеспечен:

— Когда я нахожусь в кресле, я чувствую себя дураком; мне кажется, что я клиент. Не собираетесь ли вы продать мне что-нибудь? Эта роскошь стоит того, чтобы вас здесь поместили в качестве орудия, предназначенного для борьбы с революционным пожаром. Правительство ведь ничего не реквизирует в помещениях, занятых американцами?

— Эта квартира находится под охраной флага Соединенных Штатов.

Г. Кутанс, увидя на лице мистера Олдриджа гордость неприкосновенного гражданина, решил унижить его.

— Вы удивили меня, утверждая, будто самые приличные на всем свете дома терпимости находятся в Париже. Если бы меня спросили, какого рода скверные места вы посещаете, я скорее назвал бы храм, чем бордель.

— Все надо увидеть в жизни,—сказал мистер Олдридж.—Я посетил будапештские дома—славу Венгрии; женевские—позор Швейцарии; севильские, где нет ни огня, ни воды, но есть цветы на окнах с железными решетками; лондонские, находящиеся под запретом английского закона, но посещаемые судьями в париках; нью-йоркские, расцвеченные в белую и черную краски негритянками и англо-саксонками. Но именно в Париже я испы-

тал наибольшее волнение в одном из домов на улице Сен-Лазар, куда я отправился с приятелем — студентом теологии, пожелавшим воочию увидеть грех, осужденный священным писанием. Две женщины вызвались дать нам эту иллюстрацию библии, но, оставшись наедине с нами, спросили:

„Ты очень настаиваешь, старина, на том, чтобы мы это проделали?“

Они рассказали нам свою жизнь. Они верили газетным статьям, но не доверяли словам посетителей, ибо мужчины, говорили они, надувают женщин. Рассказы путешественников, из Сан-Франциско, из Буэнос-Айреса или из Иокогамы, занимали их меньше, чем фельетон *Petit Parisien*. Они сообщили нам историю нефтяных колодцев, услышанную ими от какого-то пьяницы с толстыми кольцами, что побудило нас купить акции, на которых мы заработали по двадцати пяти тысяч франков каждый. Женщины сидели совершенно голые на кровати; мы — на стульях, сняв из вежливости только шляпы. В течение получаса, — времени, на которое обычно уединяются с женщиною в этих домах, — мы были лишь четырьмя человеческими существами, обменивавшимися друг с другом своими заботами и опытом.

Но когда мы уходили, женщины снова стали блудницами, со всеми свойственными им замашками:

„Ты вернешься, мой мальчик!.. Это было славно!“

Мой приятель возвратился, чтобы вручить им часть 25.000 франков, но этих женщин уже не было в доме на улице Сен-Лазар, и хозяйка сказала:

„У нас есть две новенькие, — они еще лучше по этой части“.

Я уважаю г. Пшебыля. Деньги, — не единственное, что занимает его. Он способен поступиться своими выгодами, чтобы удовлетворить свое чувство.

— Прежде чем судить о животном, — сказал г. Кутанс, — нужно посмотреть ему в зубы. Для человечества монета в сто су так же показательна, как для собаки челюсть. Стоимость человека можно определить, лишь затронув его денежный интерес.

Какого рода заработок вы ищете? Предпочитаете ли вы быстрые биржевые операции или товары, требующие медленного производственного оборота?

— Я берусь, — ответил мистер Олдридж, — лишь за надежные дела и верю в бога. Доказательство бытия бога — в том, что я каждый раз, когда зарабатываю деньги, испытываю желание возблагодарить его. Я отдал бы все богатства земли за озарение духа, полученное святым Иоанном.

Австрия — жертва идеи бога, дурно понятой двумя враждебными пророками: императором Вильгельмом II Гогенцоллерном и президентом Вудро Вильсоном. Вильгельм II, во главе своих солдат, на снаряжении которых значилось: „*Gott mit uns*“, провозглашал спасение мира при посредстве немецкой армии. Президент Вильсон верит в спасение человека библией. Оба эти христиански-настроенные умы обошлись нам достаточно дорого: мы заплатили за них ужасною войною и ужасным миром. Я буддист.

Он вынул из кармана золотой амулет, изображавший бога, сидящего в лотосе.

Г. Кутанс сравнил этот keepsake с распятием из слоновой кости и красного дерева, висевшим на стене.

— Вы избрали себе бога, достойного большего обожания, нежели этот пригвожденный мертвец. Зад Будды покоится в ценюфаре. Положение более комфортабельное, чем у Иисуса Христа. Лучше быть высеченным цветами, чем увенчанным тернием.

— Не отчаиваться в людях богохульствующих,— сказал мистер Олдридж,— значит защищать царство божие.

Америка, в наши дни,—страна, где совершается больше чем где бы то ни было покушений на человеческую свободу. Она подавляет рабочее движение с таким нарушением закона, на какое не отважился бы ни один народ в Европе, потому что она самая догматическая и самая благочестивая страна во всем мире.

В наши дни непреклонная политика президента Вильсона плохо справляется со всем разнообразием, свойственным человечеству, но вильсоновская философия породила самую возвышенную идею, какая еще может заставить нас гордиться званием человека: Лигу Наций.

Какое величие замысла и какая скудость воплощения! Миллионы человеческих существ мечтали о всеобщем мире, и вот что получается на деле: разрушение и смерть.

Если бы это соглашение народов было предложено католиком, могущество римского духовен-

ства предписало бы его человечеству, как нечто обязательное, но это—идея протестантская, и за ее торжество придется еще долго бороться.

Мы, христиане—буддисты Соединенных Штатов, одна из 3.922 американских сект, верующих в бога, мы—вместе с Вильсоном и против папы.

Г. Кутанс все еще был одержим неискоренным желанием поглумиться над этим мистиком:

— Не считаете ли вы, что Ленин более велик, чем Вильсон, ибо Ленин—осуществитель. Вильсон задумал, но не создал, Лига Наций—теория. Большевизм Ленина—воплощение идеи в практике.

— На долю президента Вудро Вильсона выпало больше мучений, чем на долю Ленина, ибо Вильсон умирает от того, что кроваважное человечество отвергло его мечты. Могущественная идея, кинутая им в мир, обратилась на него самого и сокрушила его рассудок.

Ленину, как более энергичному, не пришлось считаться с искусными спорщиками. Ему повезло: у него оказались смертельные враги, вместо вежливо возражающих противников. Спасенный расстоянием от европейской болтовни, он сделал свое дело. Вильсон же вступил в собеседование. Его осмеяли за любовь к тому, что кажется химерой: ко всемирному праву, которое смешно только своей неосуществимостью. Дайте ему жандармерию, и мы станем ему поклоняться. Лига Наций не имела в своем распоряжении, кроме апостола, еще и армии, позволившей Ленину воплотить в жизнь свою идею. Он захотел победы над человечеством, из чего явствует, что он величайший государственный человек нашего времени и равен, по

крайней мере в прошлом, самым высоким догматикам: Кромвелю, Лютеру, Робеспьеру.

Русская революция велика не своей военной мощью, а тем, что она начинает узаконять обязательный труд две тысячи лет спустя после проповеди апостола Павла, и ее лозунг: „кто не работает, тот не ест“ вытесняет, наконец, прежнее: „любите друг друга...“

Обязательный труд—неизбежный закон общества будущего. Не так существенно знать, сколько имеется праздных членов в нынешнем обществе, как то, допускают ли они, как явление законное, наличность хотя бы одного из таких членов. Такие люди—деморализующий, остающийся безнаказанным, преступный пример тунеядства. Большевизм выступил против праздности так же, как христианство против ненависти. Это останется навеки.

Вы пьете шартрез? Вот этот—выделки монахов до изгнания их из Франции. На стекле изображены земной шар и крест. Собственник дома, в котором мы находимся, писал мне, разрешая пользоваться его погребом, что он предпочитает, чтобы я пил этот ликер из его прекрасного хрусталя, чем оставить его большевикам, которые будут напиваться прямо из бутылок.

Борьба с русской революцией, являющаяся, вероятно, одной из самых крупных ошибок французской дипломатии со времени отмены Нантского эдикта, может привести Австрию к счастливому воскресению, ибо русские помогут ей ослабить то, что Антанта усилила вокруг нее: Чехию, Польшу. Франция, управляемая стариками, еще не понявшими сущности современного мира, вела

в России, так же, как и в Австрии, политику политиков, а не экономистов. Французы вынуждены будут согласиться на мир с Россией, не упразднив в ней ничего из того, что хотели уничтожить. Они погубят только свое собственное влияние.

— Быть может не совсем,—сказал г. Кутанс,—благодаря Жаку Садуль, который вел себя в отношении русской революции самым выгодным образом для Франции. Скоро его поблагодарят за искусство, с каким он подошел к врагам, искусство, вызывающее ныне лишь осуждение. Никто, даже прилагая все старания, не может оказаться глупее наших уважаемых дипломатов, потерпевших в течение этой войны полную неудачу в России и на Балканах. Напав на себя позументы, они, без всякой пользы для нас, обошлись нам не дешево со своими поездками. Отправившись, расшитые золотом, в Петроград, они вызвали там к себе только ненависть. Умственные калеки, с вывихом в мозгу, они не видели, какую честную позицию должна была занять Франция перед ликом неизбежных русских событий. Они полагали, что можно обойтись одним пренебрежением и что, повернувшись спиной к Ленину и Троцкому, они сведут их обоих на нет. Те, кого наши официальные представители не утомляли своим обращением, не существовали,—и этим измеряется искусство наших дипломатов по отношению к тем, из кого они делали наших врагов.

Жак Садуль повторял в своих сообщениях: „необходимо вступить в сношения с большевиками“ и неослабно боролся против этого легкомысленного презрения. Украшенные золотым шитьем

посланники продолжали свою упрямую политику бряцания оружием в то время, как он, больше чем это требовалось от него по должности, не смотря на угрозы, на клевету, на Великую Глупость, направленные против него, делал мужественные попытки победить великолепную тупость какого-то Нуланса. Он был предвестником неизбежного события: регулярных сношений между французской республикой и русской революцией. За это ему дадут звание кавалера ордена Почетного Легиона.

Я говорю, как купец, желающий осуществить возможность закупок в любом месте земного шара, где только что-нибудь продается, и как владеец русских бумаг.

Кому будет на руку ненависть, которую мы возбуждаем против себя в России? Нашим коммерческим соперникам, ослепленным нашими дипломатическими ошибками. Когда мы пожелаем завязать там торговые сношения, нам укажут на несчетные могилы детей, убитых нашей блокадой. Фабричный сторож, к которому мы обратимся при входе, будет одним из тех солдат, которые сражались во Франции и которых, вместо отправки на родину при заключении перемирия, как они того домогались, умолая или устраивая возмущения, мы задержали для прокладки путей в Африке под присмотром сенегальца.

Их жены, их дети ожидали их и говорили: „Будь прокляты французы, удерживающие их“. И дети умерли от голода, потому что французы посылали снаряды вместо хлеба.

Купцы из Цюриха, из Токио и из Нью-Йорка,

приезжая в Москву, подтвердят: мы не были в числе тех, кто, желая уничтожить большевизм, заполняли трупами ваши кладбища. Мы уже давно работали бы вместе с вами, если бы вам предоставили возможность заключить мир, в котором заинтересован весь свет.

Население в 170 миллионов жителей — клиентура, с которой нельзя не считаться. Останется ли она под властью нынешнего большевизма, изменит ли она свой политический режим, — все равно придется, после пушек, явиться в Россию, чтобы продавать и покупать. Мы не займем там первых мест, как на наших артиллерийских батареях. Кроме того, наши прядильни нуждаются в русском льне. Мы желали бы также получить нефть, лес и меха.

Этими гарантиями имеющихся у нас на руках долговых обязательств завладеют англичане, японцы, американцы.

Жак Садуль спасет еще кое-какую возможность восстановить торговые сношения между Францией и Россией.

— Справедливо осужденный военным судом, ибо он был солдатом, — сказал мистер Олдридж, — он заслужит хвалебные отзывы Торговых Палат, когда они увидят всю нелепость желания скорее разрушить русское богатство, чем признать еретический социальный строй. Франции так же легко уничтожить большевизм, как юной американской девушке зачерпнуть Ниагару в свою чайную чашку.

Для политической экономии народов эта эпоха имеет то же значение, какое в свое время имела Реформация для религии. По отношению к старым

правоверным учениям о собственности, Ленин является тем же, чем был Лютер для римского католицизма.

Из сознания человечества силою не вытравить следов, оставленных в нем гигантской русской революцией. Костры священнослужителей и насилия со стороны церкви не спасли единства католической веры. Не удастся ни скорострельными орудиями, ни военной силой извлечь с корнем русскую экономическую ересь из старой религии собственности.

Волна, поднявшаяся из глубин славянской души, омывает мир, изгибаясь и изменяя свои очертания в соответствии с природою местности и духом народа. Большевизм в России, спартакизм в Германии — эта волна, еще не галлизированная во Франции, повсюду оставляет неистребимые следы.

Никакими силами не выкопать рва достаточно глубокого, которого она не наполнила бы и не превысила, и не воздвигнуть плотины, которую она бы не преодолела. Армии, бессильные в борьбе против духа, тщетно пытаются окружить идею.

Мне ненавистна жестокость русских революционеров, но я понимаю ее с тех пор, как присутствовал в 1910 г. в качестве поставщика угольных реторт, на одном международном конгрессе фабрикантов осветительного газа. Обсуждались способы прачистки стоков, выводящих отбросы, в тех случаях, когда засорялись все очистительные аппараты. Русские делегаты не проявляли никакого интереса к этой теме. Они находили ее бесполезной, ибо, говорили они: „когда у нас засоряются стоки, мы спускаем туда мужика“.

Человек, копающийся в липкой грязи, является ключом к пониманию убийств, сопутствовавших русской революции. После грязи — кровь. Народ пожинает плоды культуры или несет наказание за варварство — то и другое в зависимости от состояния, в котором находились люди тяжелого труда. Кто сам себе не преподавал заповеди в отношении к ближним: „не превращай человека в скота“, не должен надеяться на исполнение другими заповеди „не убий“.

Ни у одной части цивилизованного человечества нет уверенности, что ей еще долго суждено будет прожить так, как она жила до сих пор. От Москвы до Каира, от Дублина до Бомбея, старое общество трещит по всем швам. Права и обязанности наших детей будут уже не те, что наши. Новые законы не вполне еще вписаны в скрижали откровения, но откровение уже произошло. Человечество знает, что его закон должен измениться. Вызвана ли эта вера внутренним озарением или доводами внешнего порядка, в настоящее время она — высшая духовная сила в мире: выше религии, выше патриотизма. Революция обладает могуществом нового бога. Но каковы на старом пути нищеты будут новые шаги человека в отношении большей справедливости и братства? Предпочтет ли он продолжать убивать или откажется от убийства? Что за свет у нас перед очами? Пламя ли костра, или ореол Христа? Народы должны будут нести последствия той грубости нравов, которую они сохранили в себе. Горе тем, кто прозябает в вечном невежестве и грязи. Характер революции предопределен воспитанием народа.

— Жак Садуль, — сказал г. Кутанс, — является на короткое время еретиком с точки зрения нашей политики, но он человек весьма полезный для нашей торговли, — он не первый француз, который устраивает наши дела помимо нас.

— Благородство вашей страны, — сказал м-р Олдридж, — в том, что пламя ее чести в ней никогда не угасает. Каковы бы ни были кратковременные нарушения справедливости, совершаемые каким-нибудь французским министром, подымается человек, верный подлинной французской традиции, и отдает за нее свою жизнь.

Но когда ваша страна, в результате кратковременного извращения своей природной сущности, становится преступницей по отношению к свободе, всегда находятся французы, сопротивляющиеся Франции. Вот почему она продолжает привлекать к себе сердца, будучи каждый раз спасена разумом своих сыновей — тех, кого она осудила, тех, кто поддерживает, вопреки ей самой, ее величие, кто во Франции временной является истинными сынами духовной Франции, как Арман Карель в Испании, как Жак Садуль в России.

Было уже очень поздно, когда мистер Олдридж проводил г. Кутанса до входной двери отеля.

Двое мужчин с худыми шеями, свободно торчавшими из ворота рубашки, прислонившись к двери, протягивали руку; ночные нищие, профессора или чиновники, они выжидали темноты, чтобы осмелиться пролепетать о своей нужде. Один из них, в очках, прежде чем обратиться, снял шляпу. Г. Кутанс дал ему десять крон и услышал слова

благодарности, сказанные слабым голосом, похожим на кваканье лягушки.

Расположившись у кафельной печки в своей комнате в отеле „Захер“, гг. Зальцбах и Кутанс занимались чтением писем и телеграмм из Парижа.

— Какая уйма работы, — сказал г. Кутанс. — Я буду молод, когда умру.

И г. Зальцбах:

— Я буду стар, когда разбогатею.

После телеграмм и писем, он перешел к газетам:

— Пачкуны, — сказал он, и стал читать статью, обведенную синей чертою г. Муараном, его уполномоченным в Париже:

„Богатство г. Зальцбаха.

Оно недавнего происхождения. Оно огромно. До войны г. Зальцбах не забыл бы пяти франков в жилетном кармане, ибо г. Зальцбаху нужно было подводить точный счет своим деньгам, чтобы заплатить за обед. Сегодня казна нашла бы в его богатстве восемьдесят миллионов припританной прибыли. Когда же возбудят преследование против этого грязного дельца? Быть может, он купил французскую юстицию, как и американский свиной жир, которого у него имеются несчетные запасы? Почему честный плательщик налогов несет расходы по содержанию жандармов и тюремной стражи, если они не обращают внимания на человека, как бы специально для них предназначенного? Как ключ входит в замочную скважину

тюремной двери, так г. Зальцбах должен войти в камеру судебного следователя. На раненой груди воина красуется боевой орден; на воровских руках торгаша должны красоваться цепи...”

Подписано: Тайльфесс.

— Пошли ему, — сказал г. Кутанс, — десять тысяч франков, которые он требует. Это немного по сравнению со взятым им на себя трудом. Заплати ему или привлеки его к ответственности. Твое осторожное молчание причиняет тебе такой же ущерб, как и ярость этого шантажиста.

— Деньгами я не раздавил бы этой вши, намеревающейся сосать мою кровь; напротив, это побудило бы в ней неистовое желание требовать от меня подачек и в дальнейшем. Когда прекращаешь кормить паразитов, они приходят в большее бешенство, чем в том случае, если бы ты отказал им с первого раза. Когда этот писака увидит, что я решился вынести всё и не дать ему никакой наживы, он замолчит. Преследование Тайльфесса судебным порядком дало бы его адвокату прекрасный повод облить меня грязью. Я притворюсь мертвым. Вши не живут на трупах.

— Ты неправ. Бюджет по содержанию прессы, обслуживающей правительство, железнодорожные компании, банки, страховые общества, игорные дома в Монако, всякого рода анонимные предприятия и отдельных богачей — составляет огромную сумму. Производство общественного мнения так же могущественно, как и хлопчатобумажное, стальное или кожаное. Ты явно очень богат. Ты должен иметь к своим услугам аппарат шан-

тажа, как есть у тебя аппарат страховой или сче-
товодный. Потеря общественного уважения умень-
шит твою клиентуру.

Воспользуйся случаем завязать сношения вот с этой газетой, которая запрашивает тебя по поводу типографских машин:

„Г. Зальцбаху.

Посредничество. Импорт.

Экспорт. Париж.

Милостивый Государь,

Я узнал, что Вы открываете крупное торговое дело в Австрии, где, как говорят, имеется недорогое типографское оборудование. Был бы Вам весьма обязан, если бы Вы уступили мне возможно большее количество типографских машин на самых льготных условиях. Ротационная машина не является товаром, который должен обогащать его фабриканта или продавца. Она — орудие мысли, и всякая прибыль, повышающая цену этого орудия, должна рассматриваться, как покушение на прогресс человеческого разума...”

Вошел граф Эрберн. Г. Зальцбах был рад этому, ибо мысли прыгали у него в голове, как молодые щенята, и он предпочел отложить свою почту, чтобы позаняться с живым человеком. Граф положил на кровать продолговатый пакет.

— Я не желаю знать, — сказал г. Зальцбах, — что в нем: папская ли тиара или биде королевы. Вы мне помешали в деле учреждения административного совета моего „Трудового и Товарного Банка“.

Я не думал, что вы способны спорить из самолюбия.

Граф Эрберн указал на сверток:

— Я не разверну его и ничего не стану показывать тому, кто не желает смотреть. Венгрия не могла быть унижена в моем лице австрийцем и чехом...

Г. Зальцбах грубо прервал его:

— Как все, привыкшие находиться под чьей-либо властью, как дети, как рабы, лишь только вас оставишь одних, вы подымаете шум. Я не хочу лишаться г. Пшебыля. Никто из вас не способен трудиться, как он. Вы—торговец из хорошей семьи и с большими связями. Трудовой и Товарный Банк нуждается в общественном уважении и благожелательном отношении правительства. Эту именно область я и хотел вам доверить: общественное мнение. Вы умеете искусно разглагольствовать. Вам так же легко превознести наше предприятие, как и рассказать историю о часах Марии-Антуанетты или истолковать с точки зрения любовных приключений книгу Бытия. Но вы плохо приступили к своим обязанностям.

— Так как,—сказал граф Эрберн,—вы желаете сделать мне добро, вопреки мне, я так же поступлю и с вами: я открою этот пакет.

Он развернул белый шелк, скрывавший хрустальный бокал. Высокая ножка, в кабашонах алмазного гранения в тех местах, где касались пальцы, соединялась, сделав длинный изгиб, с чашей в канелорах—до того прозрачной, что можно было различить лишь ребра углов и разные украшения. На массе стекла, сливавшейся с дневным

светом, тонкая позолота листвы как будто держалась в воздухе без всякой поддержки.

Г. Зальцбах любовался этим чудом прозрачности.

— Богемский хрусталь,—промолвил граф Эрберн.—Чаша, из которой Ян Гус пил вино причастия перед Вячеславом Праздным. Маршалу де-Бассомпьеру не пришлось бы приучать себя пить свое бордо из сапога, вместо стакана, если бы бедняга был знаком со стеклянными изделиями Праги.

В комнату вошел человек, помешавший благородному антикварию назвать цену этой диковинке. Посетитель весьма низко наклонил голову с длинными прядями седых неопрятных волос и согнулся до такой степени, что видны были лишь череп и грязная шея.

Гг. Зальцбаху и Кутансу часто приходилось принимать продавцов, узнававших от швейцаров отеля о прибытии иностранцев; в передней стояло еще шесть человек, которых оставил за собою этот посетитель, вошедший не постучавшись. Г. Кутанс попросил уйти некоторых из них, возмущенных тем, что их очередь нарушена. Лакей громко назвал фамилию того, кто должен был войти первым:

— Оппенгеймер.

— Это рейнское вино?—спросил г. Кутанс.

— Нет, торговец обувью.

— Мы сейчас примем этого грубияна.

Торжественный и грязный субъект, почти касавшийся лбом колен г. Зальцбаха, медленно выпрямился и, подняв высоко голову, с силою дер-

нул себя за бороду, как звонарь за веревку колокола.

— Прекрасный сюжет для стенных часов,—сказал г. Кутанс.—С такой головой, как у него, можно предаваться любовным утехам лишь в последний день масленицы.

Посетитель представился:

— Доктор Нейяр, господа!.. Я с великою радостью узнал из коммерческих газет о вашем прибытии в Вену и считаю своим долгом предложить вам наиболее верное средство для снабжения Австрии съестными припасами и устранения голода.

Я автор каталога Венского зоологического музея, где собраны все виды известных нам животных, начиная рух'ом-блохой и кончая самыми крупными допотопными. Мы обладаем восстановленным, лучше чем где бы то ни было в мире, скелетом диплодока. Двух диплодоков в день было бы достаточно, чтобы накормить мясом все население Вены. Взрослое животное имеет в длину 43 метра, считая от начала морды и до конца хвоста. Но разведение диплодоков в виде домашних животных невозможно, хотя не вполне установлено, что эта порода исчезла бесследно. Сообщают о появлении на берегах верхнего Нила животного, которое способно раздавить своею поступью целую деревню и которое, судя по собранным сведениям, должно быть признано диплодом. Английская экспедиция уже отправилась по следам этого интересного чудовища. Было бы жалко, если бы все происшествие оказалось мифом и могло бы послужить лишь великолепной темой для романа Герберта Уэллса: „Зверь хаоса“.

Г. Зальцбах не слушал. Он туго поддавался какому бы то ни было воздействию, обладая способностью оставаться безразличным к шуму и движению, производимым окружающими.

— Итак, было бы безрассудно,—продолжал доктор Нейяр,—надеяться на снабжение Вены свежим мясом путем разведения допотопных животных. Но и она и вся центральная Европа могут быть спасены благодаря бесхвостым гадам, размножающимся с большей быстротой и легкостью.

Сгорая желанием принести благо человечеству и ежедневно изобретая все более точные способы воплотить это желание в жизнь, я достиг головокружительных высот человеческого разума; Ницше говорит „на ледниках разума“, я же произвел свои исчисления над поверхностью болот, над сырой почвой, над толкими местностями в Австрии, Венгрии, Чехо-Словакии, Юго-Славии, от Дуная до Эльбы.

Он развернул какие-то карты с быстротою, свидетельствующей о том, что его пальцы привыкли обращаться с бумагой.

Граф Эрберн поспешно, но не без тщательности, заворачивал гуситскую чашу в ее белый шелковый саван; граф как будто опасался соприкосновения своей богемской диковинки с этим говоруном.

Г. Кутанс, до того времени издававший, закусывая губы, лишь насмешливые звуки, разразился бешеным хохотом; это заставило профессора обернуться; дернув себя за бороду, как будто он рассчитывал вызвать трезвон, он снова представился:

— Доктор Нейяр.

На этих пространствах, окрашенных зеленым цветом, приходится по две лягушки на квадратный метр, что составляет два миллиарда особей— количество, недостаточное для нас одних, австрийцев, ибо взрослому человеку, чтобы прокормиться, нужно не меньше десяти лягушек. Но самка этой амфибии ежегодноносит свыше тысячи яиц. Спассти яйца двух поколений лягушек, значит спасти центральную Европу. Вот доклад, заключающий в себе непогрешимые доводы.

В вопросе о качестве этой пищи сходитсся Педакий Диоскория и Брилья-Саварен, греческая медицина и французское поваренное искусство. В равной мере и античная комедия—в лице Аристофана. У Антонина Карема и у Урбана Дюбуа вы найдете способ приготовления лягушек, жареных в виде оладий или взбитых под белым соусом, с прибавлением яиц и рубленой петрушки. Почему аисты вызывают у нас симпатию? Потому что они питаются лягушками. Таким путем и мы, люди, станем симпатичны друг другу и не будем вести между собою войну. То, чего Христос не достиг крестом, мне удастся с помощью бесхвостых гадов. Великая ошибка Иисуса в том, что достойная уважения деятельность его протекала в местностях возвышенных и лишенных воды: нагорная проповедь, смерть на Голгофе. Я осуществлю свой замысел лучше, чем он, так как я—придерживаюсь болота. Я изучил лягушку с точки зрения зоологической, физиологической, психологической и моральной, в ее соотношениях с человеческим родом и в ее общем влиянии на цивилизацию. Господа, я надеюсь, что в награду за

свои труды, в один прекрасный день я буду встречен и Гарварде студентами, которые почтут меня приветственным криком их университета:

„Брекекекес-коакс-коакс“.

Г. Кутанс припомнил, что он уже слышал этот звук, когда ночной нищий таким же кваканьем благодарил его за милостыню. Помешанный вызывал перед взором г. Кутанса все картины венской нищеты: лачуги XVI округа и скелетообразных в Детской клинике.

Доктор Нейяр, развязав сверток, вынул оттуда деревянную лягушку, величиной с курицу и, чтобы поставить ее на стол, отодвинул поднос с остатками завтрака г. Зальдбаха. Указывая пальцем на свое животное, он хотел было продолжать речь, но его палец стал медленно вращаться, подобно часовой стрелке, и сумасшедший широко раскрыл глаза и рот. Затем нагнулся и, касаясь ногтем куска хлеба, оставшегося на краю блюда, спросил:

— Можно мне это взять?

Еще не утратив, несмотря на безумие, следов хорошего воспитания, он взял хлеб, лишь получив разрешение, и вылизал также несколько капель шоколада, оставшихся на дне чашки.

— Среди нищеты Вены,—сказал он,—счастливы только отели. Иностранцы получают в отелях шоколад, хлеб и сосиски. Жена моя страдает опухлями лимфатических желез из-за недостатка в ее костях фосфорнокислых солей.

Несчастный, сам кожа да кости, подобрал крошку и прибавил:

— И я тоже. Простите, что говорю об этом.

Но, кроме того, я испытываю еще умственный голод. Мы отлучены от мысли других народов: так же как и от их пищи, мы не в состоянии приобретать ни книг, ни муки. Бедность превращает наше знание в невежество и нашу жизнь в смерть. Мы погибли и в смысле физическом, и в смысле духовном. Я был очень счастлив, когда нашел на Северном вокзале английскую газету, среди мусора, выметенного из тех роскошных вагонов, в которых вы, господа, приезжаете в Вену.

Г. Кутанс поручил его лакею:

— Подать завтрак г. доктору Нейару.

Слуга, с неприятно худым лицом, послушно, но отнюдь не благожелательно, пошел впереди помещанного, только что забравшего у него с подноса десерт.

В комнату входил мистер Олдридж:

— Я опоздал на десять минут.

— В Париже устраиваются,—сказал г. Зальцбах,—великолепные дела. Если сегодня мне не удастся сговориться с вами по поводу совместного сотрудничества в моем Трудовом и Товарном Банке, я основываю его без вашего участия. Я уж и так потерял много времени. Что предлагал этот торговец? Венский музей?

Мистер Олдридж сообщил ему, что г. Пьетро Баби, г. Пшебыль, гг. Гейдрих и Фрейденберг ожидают в охотничьем зале.

— Что они, все еще дерутся?—спросил г. Зальцбах, выходя первым. По дороге его задержали продавцы со своими предложениями. Прислонившись спиной к стене коридора, они преграждали путь, протягивая образцы.

— Галстуки, бумажные и из искусственного шелка; парижский товар.

— Сундуки, чемоданы, ручные саквояжи.

— Не купите ли вы, сударь, железные цепи, вместе с партией котлов и электрических двигателей?

Какой-то русский протягивал свою визитную карточку, набранную кириллицей.

Г. Зальцбах прошел, не обращая внимания, мимо этих голодных людей, а г. Кутанс грубо обратился к ним:

— Вы только и в состоянии, что показывать образцы да зазывать. Вы предлагаете дела, о которых знаете лишь понаслышке. Это — Luft, вздор! Вы способны предложить мне медвежье сало, принадлежности для котильона и машину для лущения фасоли. Не торгует ли кто-нибудь из вас запахом жженой армянской бумаги?

Долговязый и бледный молодой человек быстро поднес памятную книжку и карандаш к своему длинному, с покрасневшим кончиком, носу:

— К вашим услугам, сударь. Сколько прикажете заметить себе?

Любезно хлопнув его по плечу, г. Кутанс заставил беднягу коснуться бумаги лбом и согнуть колени:

— Вы лучше всех. Вы уже предлагали мне парход, газетную бумагу, три тысячи спален и рабочую одежду: рясы и фартуки.

— Сударь, — сказал молодой человек, — мне известны все товары, какие только есть в Австрии. Я служу в канцелярии министерства финансов по выдаче разрешений на вывоз. Каждый фабрикант

желает вывозить, чтобы иметь деньги в иностранной валюте. Я буду давать разрешения на вывоз лишь тех товаров, которые будут куплены вами.

— В самом конце вы делаете наиболее интересное предложение. Легкое примирение чиновников с их совестью — товар, от которого я никогда не отказываюсь. Оставьте мне свой адрес.

— Отто Зингер. 2, Магдалененштрассе. Ничего не поделаешь, надо жить.

— Это притязание, с которым трудно расстаться.

Г. Зальцбах спросил, входя в охотничий зал.

— Ну как, покончили вы со своими спорами?

Указывая на кипу бумаг, извлеченную им из сафьянного, с никелевым замком, портфеля, г. Фрейденберг ответил:

— У меня есть материал, который способен примирить нас всех.

— Ессо! — сказал итальянец.

Г. Кутанс:

— Слово за тобой.

И мистер Олдридж:

— I see ¹⁾.

Затем, испугавшись при виде оживившегося г. Пшебыля, он изложил свою философию народов:

Старая жажда возмездия за прежнее угнетение расстраивает торговлю Ирландии, Эльзаса, Богемии, Юго-Славии. Последняя война на короткое время придала им силы. Народы отыскивали все свои старые поводы к распрям. Но коммерция должна исправить это варварство политики.

¹⁾ Буквально — „я вижу“, — восклицание в разговоре, означающее „понимаю“, „хорошо“, „ладно“.

Г. Зальцбах приподнялся с места:

— Мы, евреи, племя более всех ненавидимое, если бы мы стремились отомстить за пережитое угнетение, нам следовало бы ненавидеть весь мир и уничтожить его.

Самые преследования сделали нас связующим звеном между теми, кто на нас охотился. Проклятые, гонимые от одного народа к другому, мы облагодетельствовали все человечество, ознакомляя одну нацию с другой, принося с собой в крови своих ран и гное своих язв золото торговли. Еретики и купцы, мы перешли через все границы. Благодаря нам Деньги и Идея совершили свой оборот вокруг земного шара. Эта сила в наши дни является спасением для народов, способных поставить власть труда выше власти ненависти.

Подадим же пример людям, которые, для достижения успеха, расстаются с племенной ненавистью и отказываются разрушать свою энергию верою в жалость. Мы должны стремиться лишь к одному: к торжеству Трудового и Товарного Банка „Goods & Work“, философия которого выше философии версальского договора. Мы, коммерсанты, будем действовать лучше правительств: мистер Олдридж — в деле снабжения американскими съестными припасами, что примирит его склонность к благотворительности с его материальными выгодами; г. Фрейденберг — в области текстильной промышленности; г. Гейдрих — в конфекционном деле; г. Пшебыль — в химическом и бумажном производстве. Я желаю работать лишь с людьми, стремящимися крупно разбогатеть. Так понимаю я героизм и святость.

Довольные достигнутым соглашением, ибо, отдав дань шовинизму, они стали опасаться, как бы не упустить хорошего случая заработать деньги, все подчинились предложению Зальцбаха с таким спокойствием, как будто были людьми одной страны и одного племени — Барыша.

— Позавтракаем, — сказал г. Зальцбах. — Граф Эрберн, вы будете ведать обработкою общественного мнения и закупкою предметов искусства. Вы вызовете в прессе ряд хвалебных статей о нашем предприятии — не путем шутивых выдумок, а при помощи справедливых доводов коммерческого характера. В нашем распоряжении будут внушительные капиталы. Дело г. Фрейденберга — использовать их при помощи договоров.

— Вот они, — сказал г. Фрейденберг. — С нами заодно крупная фирма Поллачек, у которой во Франции секвестровано значительное ткацкое производство и которая предоставит нашему объединению свои австрийские фабрики, если ей вернуть долю участия в ее французской фабрике, чего вам легко добиться; мы имеем еще в качестве контрагентов Влума, Шварца, Фабиана; производства хлопчатобумажное, льняное и фабричных машин; Мейнля — кожаное; Иоганна Гофера — изделия из богемского стекла.

— Я, — сказал г. Пшебыль, — могу свести вас с фирмой Сыринк.

Г. Фрейденберг поклонился и сказал:

— Благодарим вас.

Г. Зальцбах видел, как в чехе снова подымается неудовольствие против австрийца, слишком торопившегося завязать сношения с такою значительною

пражскою фирмой и заручиться кредитом Zivnostenska Banca.

— У нас есть, — возвестил еще г. Фрейденберг, — Capellino & Tordo, Milano.

— Я снесусь со своей фирмой, — сказал г. Баби.

Г. Фрейденберг передал ему бумаги:

— Вам это будет легче после того, как вы познакомитесь с перепиской.

Г. Зальцбах увидел, что письма помечены были днем его первой беседы с г. Фрейденбергом.

— Здорово, — сказал он. — Но вы могли бы не заставлять меня тратить столько слов.

Он понимал бесполезность только что произнесенной им длинной речи, ибо г. Фрейденберг уже превратил национальную неприязнь своих оппонентов во взаимную зависть товарищей.

„Он разъярил их, — думал г. Зальцбах, — чтобы самому избавиться от их раздражения. Но успех дела был у него в кармане“.

Г. Зальцбах встал:

— Вот, мы все пришли к соглашению и, надеюсь, сегодня уже все довольны тем, что выбрали, в качестве уполномоченного администратора, г. Иоганна Фрейденберга, только что представившего нам доказательство восхитительного понимания своих собственных и наших интересов. Прошу вас поднять бокалы, чтобы утвердить мой выбор, остановившийся на нем.

Все, стоя, чокнулись хрустальными бокалами, игравшими золотом токайского.

Г. Зальцбах, прочитав договоры, вручил каждому из компаньонов — соответствующий его специаль-

ности. Спокойные и важные, эти люди, алкавшие богатства, исчисляли по ним свои барыши.

Вошел ребенок. Будь это до войны, в отель „Захер“ не пустили бы существа столь убогого на вид. Но теперь нищета забрызгивала своею грязью даже тщательно оберегаемую роскошь первого округа. Отели не могли предохранить себя от комиссионеров, от посыльных торговых фирм, от продавцов газет, вышедших из среды народа, страдаемого голодом.

Одежда ребенка, хотя и бедная на вид, не представляла лохмотьев, как у нищих оборванцев на площади Оперы, что позволяло ему заниматься разноской писем по первоклассным отелям. При виде пышных яств на столе, куда он положил письмо, глаза ребенка расширились, и он не трогаясь с места как бы пораженный сказочным видением. Такое изобилие еды было для него чем-то чудовищно-умопомрачительным, выше всего, что могло представить ему воображение.

Никто из тех, кто отстранял эти роскошные яства, чтобы освободить на столе место, нужное для деловых бумаг, не обращал внимания на галлюцинацию истухалого ребенка.

Они были заняты установлением цифр заработной платы и переводами их: счет процентов с капитала, счет обработки материала путем человеческих рук.

Побежденный этим огромным безразличием, ребенок попытлся к дверям, отступая по направлению к нищете народа, в расчете на которую исчислялись здесь эти богатства.

Глаза ребенка загорались иным огнем. Он больше уж не смотрел с алчностью на еду, а с огромной

ненавистью — на сидевших за столом мужчин. В нем, полумертвом от голода, зарождалось желание убить этих сытых людей, бесчувственных к его нужде. Содрогааясь от ярости всем своим немощным телом, он готов был сделать прыжок: к тарелкам, чтобы поглотить еду, или к мужчинам — чтобы нанести им удар. Но ребенок ушел, побежденный, возвращаясь к Смерти.

Г. Кутанс читал г. Гейдриху милую записку Эльзы Соможи, спрашивавшей, когда можно будет приехать ей с подругами.

— Пошлем, — сказал г. Кутанс, — за ними машину. Мы сегодня славно поработали.

Г. Зальцбах, гордый тем, что показал, какое участие принимает Коммерция в спасении мира, любил утеху этих трудолюбивых людей.

Им не хватало только Милосердия.

Перевел с французского.

Бенедикт Лигиш

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

- Г. д'Аннунцио — „Ноктюрн“, ц. 1 р.
 П. Венуа — „Атлантида“, роман, ц. 60 к.
 — „Дорога гигантов“, роман, ц. 75 к.
 Г. Бергстедт — „Александрсен“, ц. 1 р. 75 к.
 — „Праздник Йоргена“.
 А. Биро — „Страдания толстяка“, роман, ц. 50 к.
 С. Бржозовский — „Зарево“, роман из эпохи народных войн, ц. 1 р. 25 к.
 Г. Верфель — „Человек из зеркала“, пьеса, ц. 60 к.
 К. Гамсун — „Соки земли“, роман, ц. 65 к.
 Г. Гауптман — „Зимняя баллада“, пьеса, ц. 33 к.
 П. Гюэль — Беседы А. Франса, ц. 70 к.
 О. Генри — Рассказы, ц. 1 р.
 — „Короли и капуста“, роман, ц. 90 к.
 Р. Гольст — Лирические драмы, ц. 45 к.
 Ж. Дюамель — „Полночная исповедь“, ц. 75 к.
 С. Лагерлев — „Гномы и люди“, рассказы, ц. 35 к.
 Р. Маран — „Батуала“, африканский роман, ц. 45 к.
 К. Мейринк — „Голем“, роман, ц. 70 к.
 М. Маркс — „Женщина“, роман, ц. 50 к.
 М. Матерлинк — „Белая невеста“, пьеса, ц. 40 к.
 Дж. Мэйзфилд — Пьесы, ц. 60 к.
 Папалаги. — Ц. 30 к.
 Дж. Пачини — „Конченный человек“, ц. 1 р. 20 к.
 Ж. Ромэн — „Доногоо-Тонка“, кинематографический роман, ц. 25 к.
 Р. Роллан — „Кола Вренъон“, роман, ц. 70 к.
 — „Пьер и Люс“, роман, ц. 35 к.
 — „Клерамбо“, роман, ц. 1 р.
 — „Аннет и Сильвия“, роман, ц. 55 к.
 Дж. Синг — „Герой“, пьеса, ц. 55 к.
 Э. Синклер — „Сто процентов“, роман, 75 к.
 — „Ад“, ц. 75 к.
 Струг — „Деньги“, 1 р. 40 к.
 Г. Уэллс — „Неугасимый огонь“, роман, ц. 40 к.
 Ф. Унру — „Род“, „Площадь“, пьесы, ц. 1 р. 10 к.
 А. Франс — „Жизнь в цвету“, роман, ц. 80 к.

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

- Л. Франк — „Человек добр“, роман, ц. 30 к.
 Л. Фульда — „Тень осла“, ц. 80 к.
 К. Штернгейм — „Четыре новеллы“, ц. 50 к.
 Шо — „Назад к Мафусаилу“.
 К. Эдмунд — „Шесть притоков“, новеллы, ц. 60 к.
 — „Тимур“, рассказы, ц. 75 к.
 Экспрессионизм — Сборник статей, с иллюстрациями, ц. 1 р. 40 к.

СЕРИЯ ДЕТСКИХ КНИГ:

- „Английские детские песни“, пересказ С. Маршаа, многокрасочн. рисунки худ. В. Конашевича, ц. 1 р.
 В. Гауф — „Сказки“, с рис. худ. Ю. Черкесова, ц. 1 р. 10 к.
 Д. Дефо — „Робинзон Крузо“, сокращ. изд. с иллюстр. Гранвиля, ц. 1 р. 50 к.
 Р. Распе — „Мюнхгаузен“, с рис. Густ. Доре, ц. 70 к.
 М. Твэн — „Приключения Тома“, с иллюстр. Н. Э. Радлова, ц. 1 р. 60 к.

Цены обозначены в червонцах по курсу Госбанка.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

- Вольтер — „Орлеанская девственница“.
 Гауптман — „Местечко Сегельфос“.
 К. Эйслер — „Испытание богов“.
 В. Богачевский — „Эгейская культура“.
 — „Хетты и хеттская культура“.
 — „Мемуары французской революции“.
 Л. Деллюк — „В дебрях кинематографа“.
 Зеллигер — „Петерфосс“.
 Петроний Арбитр — „Сатирикон“.

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ВЫШЛИ В СВЕТ

издаваемые „ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ“ журналы:

„СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАД“

Под редакцией Е. И. Замятина, А. Н. Тихонова,
К. И. Чуковского и Абр. Эфроса.

Книги: 1-я—ц. 80 к.; 2-я—ц. 1 р. 35 к.; 3-я—ц. 1 р. 80 к.;
4-я—ц. 2 р. 50 к.

Печатается № 5-й.

„ВОСТОК“

Под редакцией академика С. Ф. Ольденбурга, академика И. Ю. Крачковского, профессора В. М. Алексеева, профессора Б. Я. Владимирцова и А. Н. Тихонова.

Книги: 1-я—ц. 1 р. 50 к.; 2-я—ц. 1 р. 40 к.; 3-я—ц. 2 р. 50 к.

Печатается № 4-й.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА:

МОСКВА, Ильинка, Биржевая пл., Богоявленский пер., 4.
ПЕТРОГРАД, Проспект 25-го октября (б. Невский), 28.

МАГАЗИНЫ ТОРГСЕКТОРА:

В Москве: 1) Советская площ., под гост. „Дрезден“, тел. 1-28-94. 2) Моховая ул., под гост. б. „Националь“, тел. 1-31-50. 3) Ул. Герцена (б. Никитская), 13, зд. Консерватории, тел. 2-64-95. 4) Никольская ул., д. 3, тел. 49-51. 5) Серпуховская пл., 1/43, тел. 2-84-82. 6) Кузнецкий мост, 12, тел. 1-01-35. 7) Лялинский пер., 11. 8) М. Харитоньевский пер., 4. В Петрограде: 1) Проспект 25-го октября (б. Невский), 28. 2) Пр. Володарского (б. Литейный пр.), 21. 3) Проспект 25-го октября (б. Невский), 13.